АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ

1966

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ И МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

В настоящем томе ежегодника рассматриваются разнообразные общие и конкретные вопросы этимологии, истории слов и словообразования широкого круга языков (русский и другие славянские, иранские, германские и неиндоевропейские). Особое внимание уделено проблеме контакта языков и географического аспекта в этимологическом исследовании. Представлена также ономастическая этимология (на материале русских фамилий). В критико-библиографическом отделе обозревается обширная новейшая научная литература по этимологии и смежным проблемам.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ж. Ж. Варбот, *Л. А. Гиндин*
(ответственный секретарь),
Г. А. Климов, *В. А. Меркулова*, *В. Н. Топоров*,
О. Н. Трубачев (ответственный редактор)

7-1-1
193—67/II

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ФАМИЛИЙ РОССИИ

(Русские фамилии и фамилии, бытующие в России)

Речь идет о словаре, который пока не существует и к составлению которого едва ли сможет приступить в ближайшее время наша или зарубежная антропонимическая наука. Для успешного решения этой задачи отсутствует самое необходимое: корпус всех русских фамилий в их современном состоянии с элементами их истории. Возникает вопрос: целесообразно ли в таком случае вообще стремиться к достижению столь трудно досягаемого результата? Нужен ли вообще этимологический словарь русских фамилий?

Нижеследующие заметки отчасти служат ответом на этот вопрос, поэтому не имеет смысла предвосхищать ответ в самом начале, когда еще не изложена вся аргументация. Сейчас отметим лишь, что было бы, по-видимому, нетрудно счесть данный вопрос вообще праздным, однако спешить с этим не следует. Широкому кругу читателей, включая нелингвистов, известно в общих чертах, что фамилии — из всех антропонимов самые поздние образования, что русские фамилии в своем большинстве оформились совсем недавно, что это, далее, обеспечивает этимологическую прозрачность и словопроизводную регулярность очень многим русским фамилиям (при этом в голову обычно приходят действительно ясные образования, примеры которых излишни). Вышесказанное способно, вероятно, зародить сомнения в срочной необходимости создания этимологического словаря, основным объектом которого служила бы русская фамилия, если она действительно русская.

Тем не менее мы беремся решительно утверждать, что такой этимологический словарь исключительно актуален. При этом актуальна не только конечная цель — квалифицированный возможно полный справочник языковых образований, касающихся практически всех людей, пользующихся данным языком, не в меньшей степени, чем сам язык. Актуальными можно, далее, считать различные вопросы метода исследования. Считая этот вопрос чрезвы-

чайно важным, особенно на первых порах, на подступах к теме, мы остановимся здесь на нем в двух словах. Итак, что такое «этимологический словарь русских фамилий» и прежде всего — что такое «русская фамилия»? Можно, конечно, сказать, что под русской фамилией подразумевается употребляемое в функции фамилии адъективное по своей сущности и генезису образование с формантами *-ов*, *-ин*, реже — *-ский*, *-ых/-их* и др. (см. ниже изложение элементов структуры русских фамилий у Унбегауна). Но если взять фамильные образования на *-ов/-ев* — так сказать, наиболее типичный показатель русских фамилий, — то нетрудно заметить, что он оформляет огромное множество совершенно нерусских фамильных и родовых прозваний, в частности в русской передаче (например, *Абаев* — при собственно осетинском *Абайты*), а в прошлом этот аффикс как бы обеспечивал форму официального существования соответствующих фамилий (например *Фанарджев* — при армянском *Фанарджян*). Очевидно, что, даже будучи оформлены «по модели русской фамилии», эти и им подобные имена останутся нерусскими. Быть может, в таком случае дело в иноязычном, нерусском характере их основ, а отсюда, наверное, следует, что русской фамилией надлежит называть фамилию, образованную упомянутым словообразовательным способом от исконно русской основы. Однако и эта формулировка вызывает протест, может быть, в еще большей степени, чем предпосланная ей. Потому что, приняв ее, мы были бы вынуждены признать «нерусскими» немало фамилий бесспорно русских, наконец, потому, что такая ригористическая формулировка шла бы вразрез с развитием любого живого языка, нормально питающегося заимствованиями и строящего свою ономастику, антропонимию при неизбежном участии заимствованного компонента. Значит, ригористическая концепция русской фамилии не может быть признана ни правильной, ни плодотворной. Кажется, что тип русской фамилии нельзя ограничить совершенно определенными или единственными структурно-словообразовательными признаками, не обеднив при этом само понятие русской фамилии. Нельзя подходить к национальному типу фамилии и с требованием генетической однородности или чистоты. Основным при подобной квалификации фамилии должен быть, как нам кажется, критерий узуальный, к чему мы еще будем возвращаться ниже, при характеристике конкретного материала. В итоге мы не видим здесь отличий от ситуации, в которой находится, например, исследование апеллативной лексики, где пуристический подход неуместен практически в отношении всех заимствований, особенно тех из них, смысл существования которых подтвержден размерами их употребления (ср. только что упомянутый узуальный критерий). То обстоятельство, что мы и среди фамилий находим эту общелингвистическую ситуацию, в наших глазах лишь доказывает правильность развиваемой здесь более широкой концепции как наименее искусственной.

Пуризм в подходе к фамилиям был бы попросту абсурден, и это важно иметь в виду сейчас, с самого начала, когда еще не произведена даже лексикографическая кодификация русских фамилий, а их этимологизация является делом будущего. Будущий полный корпус русских фамилий, представляющийся нам пока лишь как desideratum, должен включить много генетически украинских и белорусских образований (*Шевченко*, *Кравченко*, resp. *Кривченя*). Если нам возразят, что эти фамилии должны найти свое законное место соответственно в словаре украинских фамилий и в словаре белорусских фамилий, то, по нашему мнению, предмет для споров здесь отсутствует. С равным основанием эти генетически нерусские, но исторически привившиеся на русской почве фамилии займут свое место в словаре русских фамилий. Может быть, эти и многочисленные другие инородные включения побуждают к пересмотру наших традиционных пониманий типа русской фамилии, знаменуют, наконец, неуклонную эволюцию самого этого типа к какому-то пока еще не выясненному результату. В таком допущении нет ничего противоестественного, напротив, история самих русских фамилий знает глубокие изменения структуры и состава. Но вернемся к констатации исторической естественности такого факта, как присутствие во многих случаях одних и тех же фамилий в словаре русских фамилий, в словаре украинских фамилий, в словаре белорусских фамилий. Нас не должны также удивлять факты наличия одинаковых фамилий в словаре русских фамилий и в словарях немецких, французских, американских фамилий, хотя на сей раз речь идет о несравненно более отдаленных странах с резко отличными антропонимиями. Пример этот поучителен еще и потому, что в то время как восточнославянских словарей фамилий мы по-прежнему пока не имеем, словари и работы Брехенмахера, Доза, Смита и др. хорошо представляют немецкие фамилии, а также фамилии жителей Франции и США. Так, фамилию *Блок*, например, нельзя будет исключить из числа русских фамилий, столь же закономерно ее присутствие в составе немецких, французских фамилий (варианты *Block*, *Bloch*, ср. также об этом ниже). Не менее естественно и то, что среди американских, французских, немецких, русских фамилий находится фамилия *Шапиро* с ее многочисленными вариантами (им всем мы посвятим больше внимания далее).

Мы не стремились, таким образом, упростить реальной сложности отношений. Усомнившись в возможности дать строгое определение типа современной русской фамилии, а также в справедливости традиционных воззрений на сущность русской фамилии, мы не скрываем того, что современная картина нам во многом еще неясна и что она более чем когда-либо нуждается в специальном изучении. Однако суть этих сомнений скорее конструктивна, чем деструктивна, она состоит в сознании необходимости более емких рамок привлечения и исследования материала. Эти рас-

суждения привели нас к той постановке проблемы, которая нашла выражение в заглавии данной статьи, где говорится об этимологическом словаре фамилий России, который будет заключать исследование русских фамилий и фамилий, бытующих в России. Полагая, что тем самым мы уже ответили на вопрос, «что такое этимологический словарь русских фамилий?», мы думаем, что этот последний так же закономерно должен включать фамилии вроде *Шапиро* или *Куинджи*, как, например, этимологический словарь французских фамилий невозможен без фамилии *Дрейфус*. Словарь, который может быть получен в результате осуществления излагаемой здесь более широкой концепции, должен быть назван не этимологическим словарем русских фамилий, а полнее — этимологическим словарем фамилий России, подобно тому, как уместно назвал этимологическим словарем фамилий Франции свой труд Доза, чей опыт мы охарактеризуем ниже более подробно.

Фамилии России — как собственно русские фамилии (мы не находим нужным заменять этот традиционный термин, хотя и обратили выше внимание на случаи условного его употребления), так и фамилии, устойчиво бытующие в России — представляют собой ценнейший и неисчерпаемый по богатству материал для изучения межъязыковых и международных контактов. Этим объясняется помещение настоящей работы в данном томе «Этимологии», посвященном в значительной степени географическому аспекту этимологии и межъязыковым контактам в проблематике происхождения слов различных языков. Лингвистический материал, объединяемый фамилиями России, содержит много интересного для этимологии и выяснения географических сфер взаимовлияния широкого круга языков. Занятия фамилиями России неизбежно уводят исследователя в большом числе случаев за пределы собственно русской проблематики и русского материала. Изучение иноязычной лексики при этом необходимо не в меньших размерах, чем при этимологических исследованиях апеллативной лексики. Вместе с тем обращение к ономастике, антропонимии других языков, полезное и желательное также и в апеллативной этимологии как дополнительный источник материала, приобретает здесь значение основного материала, особенно если вспомнить общепризнанную в настоящее время целесообразность предпочтительного непосредственного сравнения языковых образований одного уровня, т. е. гидронимов — с гидронимами, антропонимов — с антропонимами, при меньшей ценности прямого соотнесения, скажем, антропонима одного языка и апеллатива другого языка. Сказанное делает очевидным значение антропонимии других славянских языков при изучении русской антропонимии, русских фамилий. Ниже мы коснемся различных известных нам источников по фамилиям славянских стран. К сожалению, и лучшие из них далеки от желаемой полноты. Далее, несмотря на заметные успехи прежде всего польской и чешской антропонимии, этимологи-

ческие словари фамилий отсутствуют до сих пор в Чехословакии и Польше, не говоря о других странах (хотя, например, ономастика в целом успешно развивается также в Болгарии). Следовательно, уже на первых шагах своих поисков аналогичных опытов по другим славянским языкам мы сталкиваемся с фактической неразработанностью материала и вынуждены поэтому искать дальше, не переставая надеяться на то, что когда-нибудь будут созданы этимологический словарь фамилий Польши, этимологический словарь фамилий Чехословакии и такие же труды по фамилиям южнославянских народов.

Гораздо бóльшими успехами ознаменовано изучение национальной антропонимии, фамилий в ФРГ, ГДР и Франции. Что касается немецких фамилий, то нас здесь в первую очередь интересует «Этимологический словарь немецких фамилий» И. К. Брехенмахера [1], выросший на базе его же собственных многолетних исследований по немецким родовым именам. Этот капитальный труд, насыщенный огромным историческим материалом, ценен также как воплощение уникального опыта изучения фамилий. При каждой фамилии в словаре даются сведения из памятников письменности, что придает словарю большую документальную ценность. В основу словаря Брехенмахера легли свыше 100 тыс. извлечений из памятников и документов. Часто дается география фамилии, этимологизируемой в словаре. Интерес представляет, в частности, изложение мыслей о принципах работы с фамилиями в вводном разделе труда: «Почти все родовые имена (Sippennamen), которые имеют касательство к истории культуры, нуждаются в специальной монографии» («Zum Geleit», стр. XI). «Мы можем прежде объяснить фамилию только по звуковому облику и опереться при этом на всеобщие этимологические законы; но напасть на верный след этимология имени может лишь тогда, когда мы знаем, где это имя сложилось» (Там же).

Словарь, в общем избегая откровенно ненемецкие образования, тем не менее включает ряд фамилий славянского происхождения, латинизированные фамилии эпохи Гуманизма и другие подобные иноязычные компоненты. Например: *Bailly* (франц.), *Bartni(c)k*, *Bartnicki*, *Bednař*, *Bednarsch*, *Beranek*, *Piaskowsky*, *Piontek*, *Pokorny*, *Borkowski*, *Wentzlaff* (славянские, главным образом чешские и польские), *Nagy* (венг.). Обращает на себя внимание в общем немалое количество чисто литовских фамилий, включенных Брехенмахером в словарь немецких фамилий: *Baltruschat*, *Davidat*, *Davideit* и др. Их носители обычно документируются по письменным свидетельствам, вполне понятно, на восточных окраинах бывшей Германской Империи. Словарь содержит много данных, которые при внимательном чтении не могут не обратить

[1] J. K. Brechenmacher. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Familiennamen, Bd. I, Lief. 1—10 (A—J). Limburg a. d. Lahn, 1957—1960; Bd II, Lief. 11—18 (K—S), 1961—1962.

на себя внимания слависта—этимолога и ономаста. Так, например, любопытно, что немецкая фамилия *Börs*, *Börsch* представляет собой краткую форму *Boris*, славянское личное имя, которое, оказывается, было широко распространено в Западной Померании (Поморье) — древней славянской области — еще в XIII—XIV вв., ср. *Boriz* под 1176 г. Равным образом там же и в ту же эпоху было распространено имя *Borislav*, которое автор правильно квалифицирует как полную форму имени *Boris*. Эта точка зрения, известная в славистической науке, но оспариваемая часто в пользу тюркской, дунайскобулгарской этимологии имени *Борис*, получает сильное подкрепление именно благодаря факту древнего парного существования полной и краткой форм на одной территории у части славян, практически никогда не знавшей никаких тюркизмов.

Помимо прямой пользы от изучения материалов данного неславянского этимологического словаря фамилий для славянской антропонимии, для этимологии русских фамилий, еще бóльшую пользу следует ожидать от таких параллельных штудий также и для изучения типологии русских фамилий. Ср., например, интересное сходство, которым в наших глазах обладают немецкие фамилии типа *Polterian*, *Guderian*, *Rodrian* и русские фамилии типа *Черноиванов* и под., о которых будет подробнее сказано в своем месте ниже.

Словарь Брехенмахера построен весьма оригинально. Нужную фамилию в нем не всегда легко сразу отыскать из-за того, что в нем в полной мере отражена и использована немецкая языковая черта — характерное нечеткое различение звонкости—глухости, ср. хотя бы порядок расположения этимологически родственных форм на *p-* (часто — баварские) и на *b-* вперемежку друг с другом, в первых частях словаря. К числу недостатков данного словаря мы отнесли бы лаконичность этимологизации, а подчас слабость ее или вообще нередкое отсутствие этимологии, т. е. случаи, когда статья ограничивается документацией и первой датой употребления. Речь, разумеется, не идет при этом о трудных случаях, где такая практика заслуживала бы лишь похвалы. Иногда ощущается узость германской сравнительной базы, например для немецкой фамилии *Böswort / Boßwort* было бы полезно дать хотя бы английскую параллель. Несмотря на монументальность, труд Брехенмахера обнаруживает и важные пропуски, простительные ввиду необъятности материала. В этом словаре нет, например, фамилии *Forbes* — немецкого преобразования славянского местного названия чешского типа *Borovas*, беспредложный локатив множественного числа от названия группы жителей или единоплеменников *Borovane* (В. Н. Топоров приводит в своем известном труде «Локатив в славянских языках» [М., 1961, стр. 146], говоря о следах беспредложного местного падежа в чешском, только форму *Borkovaz*, под 1209 г., из «Regesta diplomatica»).

Другим замечательным словарем фамилий является принадлежащий перу А. Доза «Этимологический словарь фамилий и имен Франции» [2]. Будучи к моменту создания этого словаря автором ряда важных работ по французской антропонимии и топонимии, Доза известен также как виднейший специалист по истории, диалектологии и этимологии французского языка. Нужно признать, что эта широта интересов отразилась и на облике его этимологического словаря фамилий, в ряде моментов выгодно отличая его от аналогичного только что охарактеризованного нами выше труда Брехенмахера по немецким фамилиям. По объему и полноте словарь Доза уступает словарю Брехенмахера, так как содержит около 30 тыс. фамилий и имен (с вариантами), более скупо дается и документация из исторических и архивных источников, практически отсутствует датировка появления фамилии. Доза ограничивается локализацией, указанием на происхождение и первоначальное значение фамилии, т. е. ее этимологию. Впрочем, не оставляет никаких сомнений то, что сам автор был во всеоружии всех необходимых исторических сведений, хотя и не счел нужным включить их в данный словарь. Автор сознательно трактует это издание как краткий вариант этимологического словаря фамилий Франции. Для нас поучительны рисуемые им более широкие перспективы возможного количественного охвата фамилий, скажем, такой страны, как Франция. Согласно Доза (стр. VII «Предисловия»), всего в романской Франции предполагается не менее 80 тыс. фамилий; это число затем пришлось бы удвоить, включив баскские, бретонские, фламандские, эльзас-лотарингские (немецкие) фамилии.

Если мы, отвлекшись на короткое время от описания словаря Доза, попробуем использовать только что названные цифры, а также аналогичные сведения из словаря Брехенмахера для суждений о возможном объеме соответствующего русского материала, то прогностические суждения на этот счет могут быть следующими. Антропонимическое богатство немецкого народа, насчитывающего свыше 70 млн. чел., представлено в словаре Брехенмахера — разумеется, с неизбежной неполнотой — сотней тысяч фамилий, в то время как для носителей французского языка, насчитывающих в Европе около 50 млн. чел., называется теоретическая цифра около 160 тыс. фамилий. Наблюдая уже на этих примерах крайнюю неуточненность — в основном по причине недостаточной информации, — мы могли бы, однако, принять определенную тенденцию к прямой пропорциональности в отношениях между числом представителей нации и числом фамилий (хотя существуют также данные, заставляющие учитывать влияние характера культуры, особенностей цивилизации и истории

[2] A. Dauzat. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France. Paris, 1951.

на большее богатство, разнообразие или же, наоборот, на бóльшую однородность состава существующих фамилий). Можно высказать пока только предположение, что полное число русских фамилий, принимая во внимание также и то, что русская нация давно перевалила за 100 млн., составит не менее 100 тыс. фамилий.

«Этимологический словарь фамилий и имен Франции» Доза заслуживает самого пристального внимания как по своему методу, так и по своему фактическому, этимологическому содержанию. Доза кратко знакомит читателя с собственным исследовательским опытом этимолога-антропонимиста в предисловии к словарю, и высказываемые им там простые и ясные мысли заслуживают того, чтобы их повторить лишний раз. «Для того чтобы найти этимологию фамилии, нужно сначала локализовать ее происхождение. При отсутствии документов часто достаточно показаний фонетики и лексикологии для того, чтобы определить район возникновения, но это бывает не всегда точно. Этот критерий безошибочен, когда он действителен; он информирует нас о таких миграциях фамилий, о которых их носители не догадываются» (Introduction, стр. XVII). Тому, кто занимается этимологией фамилий России, эти слова скажут много, потому что он слишком часто столкнется с отсутствием документов и при этом в своей работе должен будет полагаться практически на одни фонетические и словообразовательно-лексические критерии, утешаясь тем, что в случае их истинности полученная на их основе этимология будет иметь особенное значение не только в лингвистическом, но и в культурно-историческом отношении.

Сравнительно краткий словарь Доза включает тем не менее немало фамилий нефранцузского происхождения. Прежде всего это немецкие (эльзас-лотарингские и др.) фамилии. Любопытно практически полное отсутствие фамилий славянского происхождения, богато представленных в словаре Брехенмахера. С другой стороны, труд Доза содержит очень много еврейских фамилий как ашкеназских (немецкого происхождения), так и произведенных из личных имен и прочих элементов древнееврейского, арамейского происхождения. В этом смысле словарь Доза очень полезен как прямой фактический справочник при исследовании состава фамилий России, и он был нами с благодарностью использован как таковой. В связи с этим мы видим возможность высказать здесь попутно маленькую фактическую поправку по одному такому случаю. Речь идет о фамилии *Barnathan*, которую автор кратко характеризует: «Кажется, представляет собой сложение имени *Nathan* и какого-то темного элемента» (стр. 27). В действительности перед нами совершенно ясная еврейская фамилия, ивритская по типу, с внутренней формой ‘сын Натана’, образованная с помощью арамейского элемента *bar* ‘сын’, ср. др.-евр. *ben* то же. Ашкеназско-еврейским синонимом упомянутой фамилии служит *Natanson*, *Nathanson*, известное также Доза (стр. 448),

ср. бытующее и у нас *Натанзон*, *Натансон*, построенное уже из элементов идиша. Ниже мы еще встретимся с близкими отношениями фамилий-синонимов.

И бесспорно, как и в других подобных случаях, немало ценного, проясняющего характеристику отношений и типов фамилий России дает чтение Доза в плане типологии фамилий, к чему мы также еще обратимся в дальнейшем. Более специфические и сложные параллели из этого словаря уместнее использовать в связи с рассмотрением конкретных вопросов русского материала фамилий. Здесь можно ограничиться указанием на одну несколько специальную параллель, как бы предполагающую элементарную общность культурного контекста, ср. русск. *Третьяков*: *третьяк* (обл., диал.) 'третий по счету' или 'трехгодовалый' при франц. *Tiers*, *Thiers*, букв. 'третий (ребенок в семье)', 'владелец трети имущества'; к более общим параллелям использования лексико-семантического фонда при фамилиеобразовании относятся случаи франц. *Pasteur* — русск. *Пастухов*, *Perdrix* — *Куропаткин*, *Куроптев*, *Pie* — *Сорокин*.

* * *

В нашу задачу не входит решать здесь вопрос о лингвистическом положении фамилии; тем более нет надобности повторять о фамилии то, что можно о ней сказать как о собственном имени вообще; и то и другое представляют собой, так сказать, лингвистический знак во второй степени. Вместе с тем отличие фамильного имени от обычного личного имени состоит как правило в самобытности, не стесненной канонизацией, а также в том, что своей нередко ярко выраженной знаковости, асемантичности современная фамилия достигла в конце истории, началом которой служила, по всей вероятности, как раз тесная соотнесенность обозначения и обозначаемого, яркий смысл, поиски которого вполне оправданны при этимологизации фамилий.

Ниже подробно говорится о типе, структуре и составе фамилий России, которым в начале статьи нами были посвящены только пока предварительные замечания и уточнения дефиниций. Пока мы еще не приступили к более детальному рассмотрению русского и примыкающего к нему материала, будет нелишним обратить внимание на тот факт, что итогом культурно-исторической и языковой эволюции, длившейся в каждом языке столетия, общим достоянием европейской цивилизации, объединяющим народы совершенно разной языковой принадлежности, явилось в общем более или менее единое понятие фамилии, выработанное как правило независимо, параллельно в разных странах при общем сходстве ситуаций и эволюции. Влияния касаются здесь обычно частностей, фрагментов, тогда как принципиальные сходства правильнее объясняются параллелизмом и внутренними причинами.

Поэтому к фамилиям разных народов применима некая общая классификация: 1) фамилии из крестных имен; 2) фамилии от названий профессий; 3) фамилии от местных названий (название деревни, поместного владения); 4) прозвища в качестве фамилий [3]. Эта классификация, указывающая главные категории, может удовлетворить в общих чертах исследователя практически любой европейской национальной антропонимии. Однако было бы неверно думать, что все категории в разных антропонимиях заняты равномерно, более того, будет ошибкой мнение, что все эти категории одинаково свойственны каждой антропонимии. Располагая сейчас только данными и наблюдениями, почерпнутыми из литературы и лишь частично проверенными лично, мы можем высказать мнение, что упомянутая выше классификация в конечном счете лучше всего соответствует составу и происхождению французских, английских, немецких фамилий. Из славянских она вполне подойдет для польских и чешских фамилий. Что касается русских фамилий (в довольно узком, традиционном смысле), то в них полно представлены будут 1), 2) и 4) категории, а 3) категория (фамилии от местных названий) будет представлена крайне специфично. При этом в старом фонде фамилий мы этой категории практически почти не найдем, кроме немногочисленных старинных дворянских фамильных прозваний, а в более новом фонде фамилий производные от местных названий носят слишком очевидную печать новых фамилий духовных лиц. Впрочем, среди относительно недавно документированных фамилий может встретиться даже довольно много образований от местных названий, но это обычно уже будут еврейские фамилии географического происхождения, довольно существенный разряд фамилий России, которого мы еще коснемся. Подобное конкретное варьирование классификационных составов фамилий относительно некоего наиболее полного и общего состава вроде описанного выше дает в руки существенный критерий определения происхождения фамилии, например позволяет высказать довольно твердое суждение, что фамилия *Варшавский* не может быть старой русской фамилией, еще до того как прослежена со всей полнотой документальная история этой фамилии. Но о подобных примерах — ниже.

Совершенно очевидно, что заниматься русскими фамилиями сколько-нибудь эффективно нельзя, не ознакомившись с опытом славянской и русской антропонимии в целом, которая, правда, еще не создала этимологических словарей фамилий, как нам уже пришлось констатировать, но насчитывает отдельные более или менее успешные разработки. У истоков научной славянской

---

[3] См.: A. V a l l e t. Notes sur la méthode de l'anthroponymie et sur les dictionnaires de noms de personne. Communication au Congrès International d'onomastique de Florence (1961). — RIO XIII, № 4, 1961, стр. 287; G. M. M o s e r. Portuguese family names. — «Names», vol. VIII, № 1, 1960, стр. 30 сл.

антропонимии, как, впрочем, и топонимии, стоят труды Миклошича [4], опубликованные практически сто лет назад, но не утратившие своего значения и по сей день. Можно оценить их широкую, общеславянскую направленность, которая, правда, страдала от недостаточности материала, известного и собранного тогда еще в меньшей степени, чем теперь, когда мы по-прежнему считаем эту основную задачу сбора невыполненной. Примерно в те же годы, что и ономастические труды Миклошича, М. Морошкин выпустил в России собрание славянских личных имен [5] — труд, подчас несправедливо забываемый ныне и вместе с тем в ряде отношений замечательный. Такой авторитет современной славянской и польской ономастики, как Ташицкий, признает, что именослов Морошкина богаче, чем «Personennamen» Миклошича, и охватывает более широкий круг источников. Но, конечно, не следует забывать, что филологические особенности книги Морошкина, в частности манера подачи материала, подчас далеки от научных требований, что обязывает нас к осторожному и критическому использованию его данных. Тем не менее современный исследователь антропонимии, в частности фамилий, образованных от личных имен, не может пройти мимо этого богатого собрания материала. Некоторые данные, использованные нами также ниже, почерпнуты из Морошкина.

Бесспорно крупным событием в истории славянской антропонимии был выход в свет в 1903 г. «Словаря древнерусских личных имен» Тупикова [6], осуществленный под наблюдением А. И. Соболевского, который сам неизменно проявлял в разной форме интерес к русской антропонимии. Вся последующая история русской антропонимии не дала более крупного или хотя бы столь же обстоятельного труда, как названный выше словарь Тупикова. Впрочем, вся славянская антропонимия в целом никогда не была особенно богата фундаментальными разработками и квалифицированными изданиями материала, даже если иметь в виду страны, добившиеся здесь заметного успеха, как, например, Польша. Здесь заслуга неуклонного развития антропонимии принадлежит прежде всего Ташицкому, который, начиная с 20-х годов, плодотворно работает в этой области. Перу этого ученого принадлежит словарь древнейших польских личных имен, серия статей о польских именах и фамилиях [7]. Многолетняя работа в области соби-

---

[4] Ср. неизмененное более позднее переиздание: F. Miklosich. Die slavischen Personen- und Ortsnamen. Heidelberg, 1927.

[5] М. Морошкин. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен. СПб., 1867.

[6] Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. — «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. VI. СПб., 1903.

[7] W. Taszycki. Najdawniejsze polskie imiona osobowe. — Taszycki. Rozprawy i studia polonistyczne, I. Onomastyka. Wrocław—Kraków, 1958.

рания старопольской антропонимии, возглавляемая Ташицким в Кракове, получает свое завершение в широко задуманном словаре старопольских личных имен, который начал выходить из печати в 1965 г.[8] Из трудов последних лет в Польше можно назвать книгу Карплюк о славянских женских именах[9]. Уже многие годы в Польше издается специальный журнал «Onomastica», где освещаются также вопросы антропонимии. Польские лингвисты-ономасты периодически обращаются к изучению проблематики русской, в том числе древнейшей антропонимии. Представитель старшего поколения польских ономастов Роспонд выступил, например, недавно со статьей «Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена)»[10], которая импонирует широтой охвата проблем и в общем правильно выделяет актуальные аспекты исследования древнерусских имен (типология личных имен древней Руси, вопросы субституции, филологический анализ, семантика антропонима и др.), но, с другой стороны, не лишена недостатков в этимологической части. Так, мы не без удивления читали в этой статье толкования имени *Волосъ* как гипокористической формы от *Володимиръ*, *Володиславъ*, этимологии *Игорь* < *i-ti*, *Ольгъ* < **lьg-* 'легкий', которые, коротко говоря, едва ли знаменуют прогресс в этимологической антропонимии. Не менее странны стремления автора определить имя *Кий* как комбинацию Нестора. Как иначе можно объяснить вост.-слав. *Киев* и его многочисленные инославянские соответствия, если не из принадлежностной формы от данного вполне реального имени-прозвища?

Заслуживает внимания выпускаемый в Чехословакии с 1960 г. «Бюллетень Топонимической Комиссии»[11], издаваемый ведущими ономастами Чехословакии В. Шмилауэром и Я. Свободой. О трудах последнего мы еще скажем ниже, что касается Шмилауэра, то он из номера в номер публикует свои периодические «сотни ономастических аннотаций», которые содержат немало данных по антропонимической литературе и очень помогают в работе. Много работал над вопросами славянской антропонимии выдающийся немецкий славист М. Фасмер (1886—1962), который, правда, не оставил обобщающего труда, но и в своем русском этимологическом словаре и в многочисленных статьях в разных журналах опубликовал множество новых данных и наблюдений

---

[8] «Słownik staropolskich nazw osobowych», pod redakcją i ze wstępem W. Taszyckiego, t. 1, zesz. 1 (A—Bierwołt). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965.

[9] M. K a r p l u k. Słowiańskie imiona kobiece. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961.

[10] ВЯ 1965, № 3, стр. 3 сл.

[11] «Zpravodaj Místopisné komise ČSAV». Praha.

по русским и славянским личным именам и фамилиям [12]. Вопросам антропонимии уделяли внимание и ученики Фасмера [13].

Постоянное внимание, в частности, к русской антропонимии характеризует Унбегауна, ср. прежде всего его опыт критической библиографии на эту тему [14], сжатое, но очень полезное пособие, охватывающее ряд статей и материалов малоизвестных авторов в разных русских и зарубежных изданиях. Там же дается краткая характеристика более крупных известных работ, упоминаемых также в нашей статье. Заметной публикацией последних лет является книга шведской исследовательницы Беклунд о новгородских личных именах [15], к которой нам еще придется обращаться по конкретным вопросам ниже. Эту работу отличает необычайная акрибия и основательность. Остается только пожалеть, что Беклунд ограничилась двумя десятками самых употребительных имен.

Современная русская литература по русской антропонимии крайне небогата. Если вести речь только о научных разработках, то это почти исключительно публикации ученых старшего поколения — Ляпунова, Чернышева, Селищева [16]. Известная посмертная публикация Селищева о русских фамилиях, именах и отчествах в немалой степени тяготеет по содержанию к дальнейшей части нашей статьи. Автор стремился продумать в деталях историческую эволюцию своего материала. Из недостатков, которые в немалой степени нужно отнести за счет чернового, незаконченного характера работы, назовем отсутствие географического плана, неиспользованным остался и инославянский материал. За вычетом этих работ, остаются книги и статьи популярного характера, появляющиеся в последнее время [17].

---

[12] См. библиографию работ Фасмера в сборнике в его честь: «Festschrift für Max Vasmer». Berlin—Wiesbaden, 1956.

[13] M. W o l t n e r. Zur Frage der Behandlung westeuropäischer Personennamen in Rußland. — «Festschrift für M. Vasmer», стр. 570.

[14] B.-O. U n b e g a u n. Où en sont les études d'anthroponymie russe. Bibliographie critique. — RIO II, № 2, 1950, стр. 151 сл.

[15] A. B æ c k l u n d. Personal names in medieval Velikij Novgorod, I. Common names. Stockholm—Uppsala, 1959.

[16] V. I. Č e r n y š e v. Les prénoms russes: formation et vitalité. — RES XIV, 1934; В. И. Ч е р н ы ш е в. Несколько замечаний об украинских и русских личных именах. — «Мовознавство», т. VI. Київ, 1948; А. М. С е л и щ е в. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. — «УЗ МГУ. Вып. 128. Труды кафедры русского языка», кн. 1. М., 1948, стр. 128 сл.

[17] Л. У с п е н с к и й. Ты и твое имя. Л., 1962; А. В. С у п е р а н с к а я. Как вас зовут? Где вы живете? М., 1964; А. А. У г р ю м о в. Русские имена. Вологда, 1962; Н. А. П е т р о в с к и й. О словаре русских имен. — РЯШ 1953, № 3, стр. 85; О н ж е. Еще раз о словаре русских имен личных. — РЯШ 1956, № 5, стр. 115—117; С. П. Л е в ч е н к о, Л. Г. С к р и п н и к, Н. П. Д з я т к і в с ь к а. Словник власних імен

Более непосредственным образом из всех разновидностей личных имен нас, естественно, интересует состояние изучения фамилий — русских и прочих славянских. Здесь целесообразно остановиться на наиболее важных монографиях и статьях, существенных для изучения фамилий в историческом и компаративном плане. Основной монографией по польским фамилиям остается книга, которую написал этнограф Быстронь [18]. Польские фамилии, по наблюдению Быстроня, не образуют особой грамматической категории. Основной их классификацией он считает тройственную: 1) фамилии-прозвища, 2) фамилии от имен, 3) фамилии от местных названий. Существенным для польской действительности является замечание автора о ненаучности популярной сословной классификации польских фамилий, поскольку все известные типы фамилий могут быть встречены и среди старого дворянства. Полезны наблюдения над динамикой отдельных типов фамилий, например ни с чем не сравнимая экспансия «дворянских» фамилий на *-ski*. Кое-какой (правда, недостаточный) материал находим в этой книге об иноязычных включениях в составе польских фамилий (восточнославянские, литовские, немецкие, западноевропейские, еврейские, татарские фамилии). Немало статей по польским фамилиям опубликовали в разное время крупнейшие польские языковеды Нич [19] и Ташицкий [20].

За последние несколько лет в Чехословакии вышли две важные монографии по чешским фамилиям Свободы и Бенеша. Книга Свободы [21] рассматривает несколько специальный аспект: чешские фамилии в их отношении к древнечешским личным именам. Книга Бенеша [22] ставит перед собой более широкие задачи совокупного рассмотрения современных чешских фамилий в свете их истории, географии, словообразования, структурной и семантической классификации, частоты употребления. Очень интересно, в частности, как некая свободная типологическая параллель,

---

людей (українсько-російський і російсько-український), 2 вид. Київ, 1961. — Если иметь в виду источники по изучению имен, то отчасти ими могут служить различные издания православных церковных календарей.

[18] J. St. Bystroń. Nazwiska polskie. Wyd. 2. Lwów—Warszawa, 1936.

[19] K. Nitsch. O nazwiskach tzw. «polskich» i «szlacheckich». — JP VI, 1921, стр. 116—120; Он же. Trudne nazwiska. — JP XVI, 1931, стр. 48—50; Он же. Pogadanki o imionach i nazwiskach, I. — JP XXVI, 1946, стр. 150—152; Он же. II. Nazwiska od ptaków i potraw. — JP XXVIII, 1948, стр. 52—53.

[20] W. Taszycki. Pochodzenie nazwiska Żeromski. — JP XIV, 1929, стр. 97 сл.; Он же. Najpierw imię, potem nazwisko. — «Poradnik Językowy», 1949, zesz. 3, стр. 22; «Bibliografia onomastyki polskiej (do roku 1958 włącznie)». Opracował W. Taszycki przy współudziale M. Karasia i A. Turasiewicza. Kraków, 1960 (: стр. 62—92: Nazwy osobowe. a) Imiona, nazwiska, przezwiska).

[21] J. Svoboda. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.

[22] J. Beneš. O českých příjmeních. Praha, 1962.

полезная для использования в исследовании русских фамилий, то, как автор решает вопрос типа чешской фамилии с учетом чешской языковой и международной исторической ситуации: «Чешскими фамилиями я считаю фамилии, образованные чехами из чешских или заимствованных слов. (Фамилии, образованные из заимствованных слов, иногда по незнанию истории языка и возникновения родовых имен, а также истории производства считаются нечешскими именами.) Чешскими фамилиями считаю я и имена, возникшие в инонациональной среде, но приспособленные к чешскому произношению или оформленные чешскими суффиксами, или же приспособленные к типам чешских имен. К числу наших фамилий принадлежат и латинские и греческие имена эпохи Гуманизма. Было бы неверно не считать нашими фамилиями имена, возникшие из средневерхненемецких названий наших укреплений и городов соответствующей эпохи» (стр. 5). В основу собраний автора положен материал адресного справочника города Праги. Широко использованы письменные памятники и архивные документы, воссоздающие историю фамилии. Из книги Бенеша мы узнаем, что еще в XVI в. даже в развитой Чехии широкие слои народа не имели устоявшихся фамилий, лишь XVII век принес стабилизацию.

Свой исследовательский метод автор основывает на сочетании архивной документации и критического лингвистического анализа. Бенеш, между прочим, указывает и на необходимость обращения к словарям других славянских языков при объяснении некоторых чешских фамилий. Как увидим ниже, это правило не менее справедливо и для русского материала.

Фамилии южнославянских народов разработаны еще очень слабо. Наиболее известна работа хорватского языковеда Маретича об именах и фамилиях хорватов и сербов [23]. Из нее видно, с какими трудностями сталкивается исследователь сербохорватской антропонимии. Своеобразный культурный архаизм — текучесть фамилий, их смена из поколения в поколение — еще до конца XVIII в. сохранялся в сербской народной среде, тогда как в Хорватии, Славонии, Далмации, Черногории, Герцеговине значительно раньше утвердился «европейский» обычай стабильной фамилии. Маретич констатирует известный факт, что сербохорватские фамилии — это преимущественно фамилии на *-ić*, но обращает внимание на то, что только элемент *-ov-*, а не *-ić* делает имя фамилией (об этом полезно вспомнить ниже, когда речь пойдет о структуре русской фамилии); прочие элементы, оформляющие фамилии, сами по себе как правило деминутивны (*-ić*, *-ac*).

Исследование белорусских фамилий активизируется лишь в самое последнее время. Оно, бесспорно, чрезвычайно важно

---

[23] T. M a r e t i ć. O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba. — «Rad», knj. LXXXI, 1886, стр. 81 сл.

также в интересах углубленного изучения собственно русских фамилий. Здесь в первую очередь надо назвать работу Бирилло [24], который основывается на лично собранных в течение многих лет в условиях полевой работы белорусских фамилиях (свыше 17 тыс.). Белорусские фамилии формируются в основном с первой половины XVII в. и происходят в основном из отчеств. Этому предшествует фамилия-прозвище (XV—XVII вв.). Задачи изучения белорусских фамилий литовского и тюркского происхождения автор считает самостоятельными и в данной работе не рассматривает, хотя речь идет о чем-то чрезвычайно взаимосвязанном и тесно переплетенном. Так, по крайней мере часть белорусских фамилий типа *Бірыла* (*Бирилло*), *Гастэла* (*Гастелло*) обязана, видимо, литовскому влиянию, литовскому образцу своим возникновением, ср. хотя бы такое древнее и авторитетное имя, как лит. *Jogaila* и его славянский дублет — польск. *Jagiełło*, которые могут лежать у истоков такого антропонимического процесса (не говоря об иных возможных литовских образцах типа *Montvyla* и др.). Едва ли можно сбрасывать со счетов литовское влияние и для белорусских фамилий типа *Лабейка* (ср. также русск. *Боейков*). Ср. литовскую фамилию *Budreika*. Но сам автор думает, по-видимому, иначе, ср. стр. 23, 25 его труда. Вместе с тем очень ценен опыт лингвистической географии белорусских фамилий — дело, достойное изучения и подражания. Фамилии на *-оў* (*-ов*) преобладают главным образом на востоке Белоруссии, на *-овіч/-евіч* возрастают количественно к западу. Весьма полезны словообразовательные и статистические наблюдения Бирилло, стремление осмыслить оригинальность белорусской антропонимии на родственном славянском фоне (ср. белорусские фамилии на *-еня*, неизвестные другим славянским). Вопросами белорусской антропонимии, в частности фамилиями, занимается довольно активно Гринблат, и ниже у нас еще будет возможность упомянуть его труды, правда, они уступают по уровню работе Бирилло и ведутся в ином плане.

На Украине и за границей ведется работа по исследованию фамилий украинского народа, правда, мы еще не имеем обобщающих и полных работ на эту тему. Ср. статьи Редько, Николаенко и др.[25], обзор литературы по украинским фамилиям начиная

---

[24] М. В. Бірыла. Беларускія антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў (рускай, украінскай, польскай). Мінск, 1963.

[25] З. Г. Ніколаенко. Прізвища, утворені від власних особових імен (на матеріалах Закарпаття). — «Територіальні діалекти і власні назви». Київ, 1961, стр. 268 сл.; Ю. К. Редько. Словотворчі типи українських прізвищ, утворених від особових власних імен. — «Наукові записки Львівського держ. педінституту», т. XII, ч. III. Львів, 1959; A. de Vincenz. Le nom de famille houtzoule. — «The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U. S.», 1960, стр. 191 сл.

с конца XIX в. Борщака [26]. Борщак дает беглый перечень словообразовательных типов украинских фамилий, но при этом допускает немалую оплошность, пропустив фамилии на *-ів/-ов*, ср. хотя бы закарпатское *Тимків*, приводимое у Николаенко. Другой грубый промах Борщак допускает, интерпретируя фамилии на *-хно* как производные от глаголов, т. е. *Брахно* — от *брати*, *Махно* — от *махнути*, *Пихно* — от *пихнути*, *Сахно* — *сахнути*... Украинисту-антропонимисту следовало бы знать, что эти фамилии возникли как гипокористики от личных собственных имен (ср. также ниже).

Работа над изучением русских фамилий велась без какой-нибудь системы, со значительными перерывами и без должной интенсивности. Хорошее библиографическое введение в историю этих разработок, особенно, что касается старых работ, дает Унбегаун в своем критико-библиографическом обзоре, упоминавшемся выше, в прим. 14. Из старых работ, безусловно, заслуживает упоминания яркое, богатое материалом, хотя и не лингвистическое, а скорее культурно-социологическое исследование Карновича [27], которое привлекается далее и нами в конкретных этюдах. Нельзя оставить без внимания наблюдения Карновича над оригинальными отличиями русских дворянских фамилий от западноевропейских, над иноязычным вкладом в русские личные имена и фамилии, над хронологией оформления русских фамилий, очень свежо и сейчас звучат замечания автора о формах и конкретных примерах обрусения иноязычных фамилий и т. д.

Из числа исследователей советского времени стойким интересом к истории русских фамилий отличался известный славист Селищев, а также его ученик Чичагов. Посмертная статья Селищева 1948 г., упоминавшаяся выше, в прим. 16, как бы предваряет обстоятельную монографическую работу Чичагова, вышедшую в конце следующего десятилетия [28]. Чичагов оставил нам очень стройное исследование русской фамилии и ее видов на фоне всей русской антропонимии (или, в его словоупотреблении, ономастики), документально проследил отношение фамилий к отчествам, становление фамилий из отчеств, отступление прозвищ перед фамилиями как основной антропонимической категорией. Работа Чичагова проникнута лингвистическим историзмом, автор демонстрирует тонкое умение показать эволюцию форм и главным образом их употреблений. Но нельзя не заметить при всем этом ограниченности исследуемого материала, нельзя не видеть, как подчас одни и те же примеры, играющие важную аргументацион-

---

[26] E. B o r s c h a k. Les noms de familles ukrainiens. — RIO IV, № 3, 1952, стр. 203 сл.

[27] Е. П. К а р н о в и ч. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886.

[28] В. К. Ч и ч а г о в. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV—XVII вв.). М., 1959.

ную роль у Чичагова и Селищева, восходят еще к Карновичу. В таких исследованиях первостепенное значение имеет максимальный охват материала, приток свежего материала, в противном случае и лучшие из работ будут страдать схематизмом. Постоянное привлечение нового материала откроет новые неожиданные аспекты там, где обращение с некоторым количеством привычного классического материала позволяло удовлетворяться сложившейся схемой. Работа Чичагова, далее, страдает в отношении научной глубины и от того, что является слишком русистским исследованием; поясняя свою мысль, отметим, что даже старая книга Карновича практически подводит читателя к широкой типологической характеристике русских фамилий и их образования, чего нельзя сказать о книге Чичагова. Наконец, это последнее по времени заметное исследование по русской антропонимии делает особенно явным недостаток в этимологических исследованиях антропонимии.

* * *

Трудно ставить вопрос о систематической этимологизации русских фамилий тогда, когда нет русского исторического ономастикона, который бы включал и фамилии, нет и полного собрания ныне употребляемых русских фамилий. Понятно, что в таких условиях вопрос об источниках фамилий приобретает особую актуальность. Однако было бы крайностью утверждать, что такие источники отсутствуют, необходимо лишь иметь в виду их разнородность. В понятие источников фамилий могут быть, конечно, включены старые письменные тексты, особенно мало известные научной общественности до сих пор материалы русского народно-разговорного языка XVII—XVIII столетий, в издании которых наблюдается в последнее время прогресс. Но сейчас мы предпочитаем сузить понятие источников фамилий, ограничившись разного рода справочными изданиями и фондами и исключив не обработанные в этом смысле тексты. Основная форма справочника фамилий — алфавитный индекс. Известный исторический материал по русским фамилиям дает уже знакомый словарь Тупикова. Значительно более обширный материал, очень часто генетически нерусский, но затем включенный в состав весьма старых русских фамилий, дает на первых порах такое издание, как указатель к летописям, а именно: «Указатель к осьми томам Полного собрания русских летописей, изданных Археографическою комиссиею», т. I. СПб., 1868; вып. 2, СПб., 1869; вып. 3 — 1875; т. II, СПб., 1898; «Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографическою комиссиею», т. XIV, 2-я пол. Указатель к Никоновской летописи (т. IX—XIV). Пг., 1918 (: I. Указатель лиц). Важным источником старых русских фамилий могут служить различные родословные книги русского дворянства, издававшиеся

еще Новиковым в XVIII в., позднее — П. В. Долгоруковым, а также редакцией «Русской старины». Таковы, в двух словах, наиболее видные или доступные категории исторических источников русских фамилий. Что касается источников современных фамилий, бытующих в России, здесь огромную пользу принесут различные издания телефонных книг разных городов России, желательно — разных исторических периодов, т. е. как современные, так и справочники 30-х годов и первых послереволюционных лет и дореволюционного времени, скажем, 1913, 1914 гг. Такой охват был бы идеален и гарантировал бы от пробелов, особенно, если учесть естественную текучесть населения. Аналогичные информации можно черпать и из справочников типа «Весь Петербург», разных адресных книг. Несравненную по своей полноте информацию о фамилиях хранят архивы документации народонаселения, материалы адресных столов, актов гражданского состояния.

Как мы уже говорили, словарей русских фамилий практически еще не существует. Однако отдельные попытки в этом направлении предпринимаются. В Америке вышла сравнительно небольшая пробная работа такого рода: M. B e n s o n. Dictionary of Russian personal names. With a guide to stress and morphology. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1964. Этот словарь содержит около 23 тыс. избранных русских фамилий, снабженных ударениями, что весьма существенно. Выборка материала для данного словаря производилась из прозы XIX—XX вв., Большой Советской Энциклопедии и телефонной книги Москвы 1960 г. Любопытны критерии отбора: из телефонной книги брались в с е фамилии с русскими суффиксами *-ов*, *-ин*, все фамилии с другими русскими (и славянскими) суффиксами, вроде *-ович*, *-ский*, *-ко*, *-ик*, если они встречаются не менее двух раз, все прочие (исторически нерусские фамилии), если встречаются по крайней мере трижды. Естественно, в результате таких многократных ограничений материала, который сам по себе носит ограниченный и случайный характер (список квартирных абонентов московской городской телефонной сети), мы не могли ожидать сколько-нибудь полного словаря, а получили едва ли пятую часть реально существующего фонда русских фамилий и фамилий, бытующих в России. Собранный Бенсоном материал, конечно, полезен, и далее мы всякий раз при возможности пользуемся им, но определенная некритичность отбора вынуждает также сделать некоторые критические замечания. Явно по недосмотру попали в этот словарь вымышленные фамилии литературных персонажей *Вральман*, *Победоносиков*, которым место в особом словаре, но не среди реально существующих традиционных фамилий. Ударения подчас расставлялись совершенно произвольно, например *Ви́ллънев*, которое, видимо, по недосмотру принято за фамилию «с русским суффиксом *-ов/-ев*», тогда как перед нами не более как русская запись фран-

цузской фамилии *Villeneuve*. Столь же сомнительно, как мы думаем, место ударения в фамилии *Бардáдин*, проставленное под влиянием якобы равнооформленных *Бакýнин*, *Бакýлин*, *Бавы́кин*. На самом же деле в фамилии *Бардадин* представлена, так сказать, легкая адаптация на русской почве первоначально западной (возможно, белорусской) фамилии **Бардадын*, *Бардадым* (такой вариант нам реально известен), этимологически — из нарицательного слова, обозначавшего монаха-бернардинца. Есть видимые опечатки: например, на стр. 79 стоит *Малиовáнов* — явно вместо действительного *Малоивáнов*.

На этом мы ограничим свой краткий перечень источников фамилий. Кроме прямых источников вроде описанных выше, могут быть привлечены также источники косвенные, такие, например, как «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» в четырех томах И. Ф. Масанова (М., 1956). Немалый материал по антропонимии, фамилиям можно почерпнуть из многотомных списков населенных мест, выходивших в течение XIX в.

Выше нам приходилось упоминать вскользь об аспекте изучения фамилий в плане типологии как о чем-то новом. Мы, действительно, имеем в этом вопросе дело с неразработанным и даже совершенно еще не вскрытым должным образом материалом. Мы, наверное, не ошибемся, если скажем, что из современных исследователей русских фамилий этой проблематикой занимался один Кипарский, давший несколько небольших, но действительно интересных работ на оригинальном материале. Речь идет о серии его статей за последние годы, посвященных «голубиным» фамилиям в России [29]. Отмечая довольно широкое распространение фамилий с внутренней формой 'цвет/масть+часть тела' в немецкой, итальянской, латышской, финской, румынской, современной еврейской антропонимии, Кипарский констатирует, далее, что у западных славян таких фамилий очень мало, напротив, у русских они есть в большом количестве, причем большинство их восходит к названиям пород голубей, ср. такую черту культуры, как древнее развитие декоративного голубеводства в России. Таким образом автор характеризует русские фамилии вроде *Чернохвостов*, *Белоусов*, *Вишнепокромов*, *Белобров*, *Белогруд*, *Белокрылов*, *Черноглазов*, *Черношеин* и мн. др. Мы согласны с Кипарским, что не все перечисленные фамилии обязаны своим происхождением только названиям пород голубей. Но его наблюдения и широта охвата материала представляют ценность вне всякого сомнения. Вероятно, он был первым, кто поставил вопрос о возможности

[29] V. Kiparsky. Ein russischer Familiennamentyp. — «Festschrift für M. Vasmer zum 70. Geburtstag». Wiesbaden, 1956, стр. 230 сл.; Он же. Von Taubenrassen abgeleitete russische Familiennamen. — ZfslPh XXVI, 1957, стр. 151 сл.; Он же. Nochmals die von Taubenrassen abgeleiteten russischen Familiennamen. — ZfslPh XXVII, 1958, стр. 161 сл.

фамилии определенного типа на основе сопоставительных данных, ср. его предположение фамилии **Сухоголов(ов)* ввиду наличия фамилий вроде ит. *Testasecca*, лтш. *Sauszgall* в других языках, а также ввиду форм вроде *Сухобоков*, *Сухоносова* в русском. Ср. также название масти голубей *сухоголовый* 'с сухой (маленькой) головой'.

После сказанного мы можем обратиться непосредственно к типу русской фамилии в целом, с тем чтобы высказать некоторые более конкретные и вместе с тем более обобщенные замечания по типу и структуре русской фамилии в связи с изучением этого вопроса в литературе, а также в связи с действительным положением в русском и славянском антропонимическом материале.

К вопросу о типе русской фамилии обращался сравнительно недавно Унбегаун. В своем докладе на III Международном конгрессе по топонимии и антропонимии он рассматривает тип русской фамилии с точки зрения словообразовательно-морфологической структуры [30]. Основные мысли и целые выдержки из этого доклада должны представить для нас интерес: «Настоящее сообщение ставит перед собой цель дать ответ на следующий вопрос: по каким признакам можно опознать русскую фамилию? Другими словами: обладают ли русские фамилии морфологическим, формальным показателем, который был бы им присущ? Этот вопрос, который может показаться праздным в области французского, английского или немецкого, где фамилия в принципе не отличается от апеллатива, совершенно оправдан для русского. В самом деле, из всех славянских языков русский наиболее склонен к схематизации и систематизации. . .» (стр. 433). Автор, отмечая решительное преобладание в русских фамилиях двух морфологических типов — на *-ов/-ев* и *-ин*, продолжает: «Все, что находится за пределами этих двух больших групп, — это лишь исключения и пережитки: существительные без обоих упомянутых суффиксов, фамилии на *-ский*, различные падежные формы прилагательных и т. д. Само собой разумеется, что мы имеем в виду только подлинно русские фамилии, т. е. великорусские. Мы отвлекаемся при этом от фамилий нерусского происхождения, прижившихся в России, будь то украинские или белорусские фамилии» (Там же). Суффиксы *-ов* и *-ин* характеризуются как форманты прилагательных, принявшие патронимическую функцию, в связи с чем далее читаем: «Это возведение суффиксальных патронимик в ранг фамилий объединяет русских с другими славянами православного вероисповедания (болг. *Петров*, серб.

---

[30] B.-O. Unbegaun. Structure des noms de famille russes. — «IIIe Congrès International de toponymie et d'anthroponymie (Bruxelles, 15—19 juillet 1949)», vol. II. Actes et mémoires. Louvain, 1951, стр. 433 сл.; ср.: J. St. Clair-Sobell, J. Carlsen. The structure of Russian surnames. — «Canadian Slavonic papers», vol. 4. Toronto—London, 1959, стр. 42 сл.

Петровић, укр. *Петренко*). Славяне-католики, наоборот, или сохранили в качестве фамилии крестное имя либо прозвище (чеш. *Beneš*, уменьшительное от *Бенедикт*, *Ryba*, собственно 'рыба'), или же обобщили другие суффиксальные типы, например тип на *-ski* в польском, дворянский по происхождению (*Orzechowski*='владелец поместья *Orzechów*')» (стр. 434). Далее следуют в общем полезные, но уже менее интересные для нас здесь наблюдения автора над эволюцией отношений отчества и фамилии, над более редкими фамилиями генитивного происхождения типа *Дурново* (фонетический вариант) и *Мертваго* (орфографический вариант), над областным типом *Черных*, при безраздельном господстве фамилий на *-ов*. Ничего нельзя возразить и против заключительной характеристики: « . . . огромное большинство или около того из числа русских фамилий — это прилагательные, но прилагательные, которые отличаются от обычных прилагательных либо обобщением суффикса, утратившего продуктивность во всех прочих сочетаниях. . ., либо одновременно — ударением и фонетической аномалией (*Мертваго*)» (стр. 436).

Выше мы уже говорили о неудобстве и неоправданности ригористической точки зрения, проводящей слишком острую грань между русскими фамилиями и фамилиями, прижившимися, бытующими в России. Мы полагаем, что практикой исследования это разграничение постепенно будет оставлено. Более серьезные возражения вызывает рисуемая Унбегауном картина в плане истории и относительной хронологии форм, как, впрочем, и типологической сущности их. Речь идет на этот раз уже о собственно русских, в понимании Унбегауна, образованиях, хотя ответ на вопрос об их характере и возрасте как типа дает инославянский материал. Унбегаун как будто склонен расценивать тип на *-ов* вместе с присущей ему характеристикой продуктивности как вторичный. Прочие типы или некоторые из них (см. выше) — это как бы избежавшие поглощения этим инновационным типом пережитки, реликты. Общность русского типа на патронимическое *-ов* (и под.) с болгарским, по мнению Унбегауна, имеет конфессиональную, т. е., видимо, вторичную природу. Попробуем обратиться к фактам южнославянской и западнославянской антропонимии.

Поскольку словообразовательная характеристика болгарских фамилий (гегемония типа на *-ов*, периферийное положение прочих типов) сильно напоминает вышеизложенную характеристику русских фамилий, сравнение будет не очень показательно ввиду близости сравниваемых величин. Гораздо многозначительнее выводы, которые можно почерпнуть из ситуации в сербохорватской антропонимии в силу большей разнородности последней. Дело в том, что в сербохорватских фамилиях с точки зрения их структуры по диалектам наблюдается примерно та же картина, что и в распространении различных языковых явлений, форм, лексем, насколько мы можем о нем судить по отдельным опытам лингви-

стической географии на материале сербохорватских диалектов: инновации — в центре штокавской территории, архаизмы — на ее периферии. Классическое соблюдение этого распределения и в структуре фамилий позволяет иначе взглянуть на историю и относительную хронологию типа *-ov*. Вот что пишет историк сербохорватского языка [31]: «. . . патронимическое *-ov* сейчас употребляется как архаизм в различных окраинных областях сербохорватского языкового пространства, в том числе в граничащей с Албанией Черногории. . .» В центре сербохорватской языковой территории гуще всего представлен патронимический суффикс *-ić*, что бесспорно говорит о его инновационной природе. По окраинам этот тип значительно менее продуктивен. В Воеводине, частях Черногории фамилии на *-ić* редки, на их месте выступают более или менее регулярно старые патронимические образования на *-ov* и *-in* (как в болгарском, русском и др.), ср. воеводинск. *Petrov*, *Tȍdorov*, *Žlvānov*, *Pájin*, *Gájin* и др., черногорск. *Milov*, *Simov*, *Kovačev* — при собственно сербском, боснийском *Pètrović*, *Todórović*.

Кроме того, и в инновационном, типично сербохорватском оформлении фамилий *-ov-ić* носителем патронимической функции явилось не *-ić* (исконно деминутивный формант, а *-ov-*, как отмечал еще Маретич (см. выше).

Можно ли, далее, согласиться с тем, что зона преимущественного употребления и развития патронимического *-ov* находится в связи и даже в зависимости от зоны распространения восточного, православного христианства (восточнославянский, болгарский, собственно сербский)? В действительности все обстоит далеко не так, как можно понять из доклада Унбегауна. Тип фамилий на *-ov* известен католическим словенцам (*Matičetov* и др.). Яркие свидетельства в пользу древности патронимического *-ov* находим в западнославянском, так, в чешских фамилиях, где, кстати, очень много следов такого употребления *-ov*, при отсутствии какого бы то ни было намека на православие, этот тип фамилий носит черты отступающей, архаической категории: *Hanušek Gráfuov syn* (1431 г.), *Martin Pošíkův* (1676 г.), *Jan Martinův* (1676 г.), особенно часто среди современных фамилий населения юго-восточной Чехии — *Martinů*, *Vítů* и мн. др. Не менее распространены столь же старые чешские патронимические фамилии на *-in*: *Kubín*, *Hrabin*, *Višnin* [32]. Несколько реже выступают, впрочем, тоже совершенно несомненные примеры употребления фамилий и прозвищ на патронимическое *-ȍw* в Польше, особенно в южных горных окраинных районах [33]: *Maćkȍw*, *Janȍw*,

---

[31] I. P o p o v i ć. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр. 296, ср. особенно стр. 438.

[32] Чешские примеры взяты из кн.: J. B e n e š. O českých příjmeních, стр. 33, 34.

[33] J. St. B y s t r o ń. Nazwiska polskie, стр. 10.

Klimów и др. Ясно, что мы имеем дело во всех этих случаях не с инновациями, а с очень старым обыкновением, архаизмом. Особенно яркое указание в этом смысле содержит материал украинской антропонимии. Для современных фамилий большей части Украины тип на *-ів* (*-ов*) мало характерен и редок, тогда как он хорошо известен, например, в Закарпатской Украине. Архаичность этого факта столь же вероятна, как и архаичность ряда других языковых особенностей этого окраинного района.

Таким образом, у нас нет ни малейших оснований ставить распространение патронимического *-ov-*, *-in-* в фамилиях в зависимость от распространения православия, больше того, мы не можем вообще считать патронимические собственные имена на *-ov-* новым типом славянских собственных имен. Фамилии с таким оформлением известны практически всем членам славянской семьи языков. Естественно, мы не беремся утверждать, что антропонимические образования на *-ov-* существовали как фамилии уже в праславянском. Но в своем новом качестве фамилий славянские патронимики на *-ov-* продолжают, в сущности, старый праславянский патронимический тип. Активизация его на одной части славянской территории и замирание на другой — это уже дальнейшие главы его истории. В таком случае мы никак не можем отнести вместе с Унбегауном случаи вроде *Мертваго* или *Дурново* якобы к пережиточным сравнительно с новым победоносным типом *-ов*. В свете сказанного и *Мертваго*, и *Дурново*, и им подобные занимают подобающее им довольно скромное место случаев (не столь уж древней) формализации регулярных морфологических образований от личных прозвищ *Дурной*, *Мертвой*. Здесь не имеет смысла говорить о соперничестве с патронимиками на *-ов*, обладающими солидным праславянским прошлым. Бессуффиксальные имена существительные в роли русских фамилий не могут не наводить на мысль об исключительно позднем их появлении в составе собственно русских фамилий.

В итоге мы получаем в корне иную картину хронологии и славянской типологии русских фамилий, чем та, которую рисует Унбегаун, с противоположным распределением черт инновации и реликтов. Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и то, что целесообразно рассматривать как вторую жизнь фактического архаизма, в чем нас убеждает изучение русских фамилий, русской антропонимии, включая ее новейшие образования.

* * *

Из предыдущего логически следует, что, расширяя рамки изучаемого материала, перенося центр исследования из неоправданно ригористического плана русских фамилий в более емкий план фамилий России, мы должны будем подойти к проблеме

состава фамилий, не снимая и не преуменьшая ее сложности. Эта a priori бесспорная сложность состава фамилий России в соединении с неполнотой, несобранностью всего фонда этих фамилий дает достаточно ясное представление о трудностях, которые ждут здесь исследователя, и об актуальных направлениях работы. Перспективы изучения неразрывно связаны с методами работы. Как начальный этап работы — инвентаризация материала, так и конечная цель — этимология одинаково и постоянно зависят от учета моментов лингвистической географии, словообразования, а также общелингвистических и типологических моментов. Не последнее место в общем комплексе вопросов принадлежит филологии фамилий (ср. хотя бы проблему оценки разных вариантов написания фамилии, с выделением какографических вариантов).

Ниже мы коснемся некоторых из перечисленных здесь вопросов, с преимущественным вниманием к составу фамилий, причем всякий раз — в плане этимологических связей как основном для нашей работы.

Сохраняет свою актуальность, едва ли вполне оцениваемую в современной небогатой научной литературе по русским фамилиям, проблема сохранения исконно славянского апеллативного лексического фонда в русских фамилиях. Оправданием такого недостаточного внимания может послужить, наверное, внешняя парадоксальность сохранения древних лексем в составе такой поздней антропонимической категории, как фамилии. На самом деле именно фамилии с их генезисом из прозвищных производных, относительной нестесненностью развития и практически неограниченным фондом, сравнительно, например, с ограниченными численно и подверженными неизбежно жесткому отбору со стороны права и со стороны жизненной практики личными собственными именами (к тому же, в нашей антропонимии — почти всегда иноязычными), — именно фамилии естественно подходили для сохранения древних исконных апеллативных основ. Такие примеры особенно интересны, если удается выявить апеллативные основы, утраченные словарем русского языка. Правда, наличие в русской фамилии апеллативной основы, неизвестной из русской лексики, но сохраняемой в лексике (или даже только в антропонимии, ономастике) другого славянского языка, уже оставляет какое-то вероятие заимствования из этого славянского языка в русский. Иногда также имеется возможность на основании одной только русской фамилии при поддержке лишь некоторых аналогий из области антропонимии и апеллативной лексики реконструировать весьма старое по виду апеллативное образование, нигде из славянских языков нам пока не известное. Ниже, в этимологических этюдах, мы касаемся такого случая на примере фамилии *Шемякин* и некоторых близких. Здесь назовем еще два примера, каждый из которых обнаруживает свои отличия.

Первый пример — фамилия *Легостáев*, известная нам с таким ударением из словаря Бенсона (M. Benson. Указ. соч., стр. 74). Средствами лексики современного русского литературного или даже общенародного языка нельзя объяснить данную фамилию, которую мы производим от русского прозвища **Легостай*. Правда, диалекты еще помнят соответствующую апеллативную лексему: ср. вологодск. *легостáй* 'ветреный, опрометчивый' (Даль[2] II, стр. 243). И если степень древности данного исходного апеллатива все еще неясна для нас из этого факта, особенно, если учесть отсутствие точного древнерусского или русско-церковнославянского соответствия в этом случае, то существенную помощь и перспективу дает чешский материал. Ср. чеш. *lhostejný* 'равнодушный, безразличный', а особенно др.-чеш. *lhostajný* 'изнеженный, разнузданный', слвц. *l'ahostaj* 'воля', реконструируемое как праслав. **lьgostajь* (**lьgo-stajь*) 'беззаботность, беззаботное житье' [34]. Махек не знал русского соответствия, которое оставалось в тени. Фамилия *Легостáев* говорит в пользу древности слова *легостáй* в согласии с прочими данными.

Второй пример — фамилии *Сезéмов*, *Сизéмов* (ударения см.: M. Benson. Указ. соч., стр. 112, 113), случай, особенно интересный как доказательство важности изучения фамилий в плане отражения в них плохо изученной или неизвестной старой, исконной лексики. Лексическая первооснова названных фамилий неизвестна нам из словаря современного русского языка и его диалектов. Можно полагать, что основа фамилий *Сезéмов/Сизéмов* в восприятии носителя русского языка сейчас не ассоциируется ни с каким специфически русским словом, скорее даже наоборот — может сойти за фамилию восточного происхождения ввиду созвучия со словом *сезáм*, а также возможных других подобий. И, однако, в фамилиях, точнее — в фамилии *Сезéмов/Сизéмов* сохранилась патронимическая форма от древнего исконно славянского личного имени-сложения **se-zemъ* '(человек из) этой земли', ср. прежде всего такое важное соответствие в другом славянском языке, как чешские фамилии *Sezema*, *Sezima*. Именно с чешской фамилией (а не с русск.-цслав. *сеземьць* 'туземец', Срезн. III, стб. 324, XV—XVI вв., — как иначе оформленным в словообразовательном отношении) непосредственно сближает русскую фамилию такая древняя черта, как произведение от корня-основы **zem-*. Сведениями о сохранении в современной чешской апеллативной лексике продолжения праслав. **sezemъ* мы не располагаем.

Бесспорно, существуют и другие случаи консервации в фамилиях давно исчезнувших апеллативных основ и слов. Вполне возможно, что подобный пример представлен в такой старой фамилии, как *Невострýев* с ее удивительно разнообразными

[34] M a c h e k, стр. 266.

вариантами *Невстру́ев*, *Неустро́ев*, *Неустру́ев*, *Новостру́ев* (M. Benson. Указ. соч., стр. 89, 90), которые представляют сюжет, достойный специального исследования.

Огромность иноязычного компонента в русских фамилиях и вообще в фамилиях России насчитывает всевозможные ситуации, но в основном распадается на две разновидности: русские фамилии от предварительно заимствованных иноязычных апеллативов и иноязычные фамилии. Данная обширная проблема имеет также внешнелингвистическую и вместе с тем культурно-историческую сторону, причем опять-таки все в основном сводится к двум возможностям: фамилии русских людей, образованные от иноязычных апеллативов, имен и прозвищ, resp. вторично включенные в состав фамилий России готовые иноязычные фамилии лиц нерусского происхождения. Понятно, что здесь возможны сложные, исторически обусловленные ситуации и в том и в другом случае, перед однозначной идентификацией вырастают иногда при этом непреодолимые трудности, особенно для отдаленных эпох. Еще Морошкин ссылается в связи с этим на мнение Срезневского: «Чужеязычность имен собственных еще не свидетельствует о чужеродстве тех, которые их носят» [35]. Ср. аналогичное суждение Тупикова и Карновича, которые указывают на то, что очень часто под личными именами и фамилиями иноязычного, татарского происхождения скрываются не выходцы из орды, а вполне русские люди. Это следует иметь также в виду и при чтении наших нижеследующих этимологических заметок. Тем, кто знаком с проблематикой чешских фамилий, известно, какой значительный процент составляют среди них чисто немецкие по виду фамилии, однако носители их в значительной массе — чехи, носящие фамильные имена иноязычного происхождения (ср. выше об этом у Бенеша).

С аналогичной ситуацией мы столкнемся в нашей Прибалтике, где среди фамилий полностью литовского населения много польских фамилий, среди латышских и эстонских фамилий немало фамилий немецкого происхождения. Помимо этих классических примеров, когда значительную роль играют социально-исторические моменты, существует множество случаев, когда закрепление иноязычного прозвища, иностранной фамилии имеет очень индивидуальную мотивировку.

Но, разумеется, очень часто иноязычная по происхождению фамилия безошибочно указывает на нерусское происхождение ее носителя. Чтобы несколько разобраться в этом море материала, нужно выделить некоторые наиболее важные иноязычные компоненты в составе фамилий России, лишь вкратце, помимо этимологии, описывая также историко-лингвистическую специфику таких компонентов, отчасти их динамику.

---

[35] М. Морошкин. Славянский именослов. . ., стр. 105.

Несколько слов должно быть сказано об инославянских фамилиях в составе русской антропонимии. Из прочих славянских элементов в русских фамилиях наиболее заметным количественно с довольно раннего времени следует признать польский, идентифицируемый более или менее легко (*Пржевальский*, *Циолковский*, *Врубель* и др.). Русские фамилии постоянно питались также за счет притока фамилий украинского и белорусского происхождения, что также само по себе хорошо известно, хотя критерии идентификации украинских фамилий (или нередко тождественных им по типу южновеликорусских областных фамилий) лучше отработаны на практике, чем способы идентификации белорусских включений в фамилии России (ср. *Плешевеня*, *Кривченя*, *Гастелло*, анализируемая ниже фамилия *Подцероб*). Особую проблему, правда, опирающуюся пока на небольшой материал, образуют наши фамилии сербского происхождения. Слабо исследована, по-видимому, и социально-историческая сторона этого проникновения в антропонимию России фамилий и прозвищ сербов — в основном, вероятно, за счет населения, вышедшего из Сербии с XVIII в. и основавшего сербские военные поселения на Юге России. Как бы то ни было, для ряда наших фамилий может быть указана довольно вероятная сербская этимология: *Вучетич* < серб. *Вучетић*, патронимическое образование от апеллатива/прозвища *вуче* 'волчонок'; *Гурко* — первоначальная гипокористика, сокращенное образование от личного собственного имени, ср. упоминаемый в ПСРЛ (т. XII) под 6933 (1425) г. *Гурко*, деспот сербский, также *Гуркъ*, *Гургъ* (< греч. Γεώργιος); возможно, также *Лазо* — гипокористика от личного имени *Лазар*.

Чрезвычайно важна такая все еще не получившая должной разработки проблема русской антропонимии, как фамилии тюркского происхождения. В наших этимологических этюдах, помещенных в заключительной части этой статьи, уделено посильное внимание разным случаям из этой сферы. Ср. ниже о фамилиях *Аракчеев*, *Бегичев*, *Деникин*, *Коллонтай*, *Коротаев*, *Куинджи*, *Шахматов*. Как увидим, этимологический анализ одних только этих немногочисленных примеров показывает многообразие тюркского слоя в фамилиях России. Обследованные примеры обнаруживают разную степень словообразовательной и этимологической прозрачности, некоторые из них обладают оригинальной географией.

По-своему сложилась судьба немецких фамилий в России. В XVIII и XIX в. их было значительное количество, тем более заметное, что это были в основном имена должностных лиц, дворянства. Немецких фамилий (не делая различий между отдельными частями Германии) было у нас, по-видимому, всегда больше, чем всех прочих германских, а также французских, во всяком случае до Великой Французской революции. До XVIII в. и еще в течение XVIII в. немецкие фамилии часто подвергались стихий-

ной русификации, изменяясь при этом до неузнаваемости (кстати, например, то же самое происходило с немецкими фамилиями и во Франции до революции XVIII в., когда первенствующую роль получила более строгая письменная фиксация иноязычной фамилии, а не прежняя приблизительная передача ее звукового облика). В этом пункте наблюдается любопытное различие трактовки в России немецких и тюркских (татарских) фамилий и имен с преимущественной сохранностью формы именно у последних. Возвращаясь к фамилиям немецкого происхождения, отметим, что в XX в., к нашему времени, их число у нас резко сократилось. И если в современных источниках фамилий России мы встретим немало внешне немецких по форме и структуре фамилий, то это будут в подавляющем большинстве еврейские фамилии, что значительно затрудняет правильную идентификацию современных немецких фамилий у нас. К особо трудным случаям относятся примеры омонимии чисто немецкой фамилии и лишь созвучной ей фамилии, сложившейся в практике языка идиш. Так, необходимо различать фамилию *Блок* I — из чисто немецкой фамилии *Block* и фамилию *Блок* II, с вариантом *Блох*, весьма распространенную в разных странах и представляющую собой видоизменение собственно польского слова *Wloch*, в данном случае — как обозначение еврея, выходца из романских стран, ср. сюда же фамилию *Валлах*, а также фамилии евреев во Франции и Германии *Bloch*, *Bloc*, *Block*, отмечаемые с XVII в.[36]

То, что мы после фамилий немецкого происхождения переходим к фамилиям еврейского происхождения в России, вполне естественно, так как новоеврейская антропонимия строится в немалой части из генетически немецких элементов. Сложность состоит в своеобразии использования этих элементов, в тесном их переплетении с элементами древнееврейского и арамейского происхождения, наконец, в самой истории формирования, существования и преобразования еврейских фамилий. Все это почти не исследованные и даже нередко почти неизвестные у нас проблемы, кстати, весьма важные для более полного и реального знания современной антропонимии России. Понятно, что затронуть их здесь мы сможем лишь отчасти, поскольку тема настоящей статьи шире. Мы вынуждены даже опустить здесь обзор небезынтересной литературы по еврейским фамилиям разных стран. Правда, имеющие сюда отношение работы П. Леви, Роблена, Кеслера, Ноймана, Цунца, Клейна, Адлера, Мизеса и других всякий раз, когда это требуется, цитируются нами ниже. Надо сказать, что это исключительно оригинальный и интересный материал со своими особыми типами (географический тип фамилий, фамилии-эпитеты, фамилии-аббревиатуры, фамилии от имен),

---

[36] P. L é v y. Les noms des israélites en France. Histoire et dictionnaire. Paris, 1960, стр. 18, 110.

со своей сложной диалектной спецификой. Здесь также много еще этимологически неясного. Вот несколько примеров географического типа еврейских фамилий.

Лифшиц/Лившиц/Липшиц/Liebschütz и др., обычно объясняется как образование от местного названия *Leobschütz* (Верхняя Силезия) [37] или сходного названия населенного пункта в Чехии [38]. Славянскими суффиксами оформлены принадлежащие также к названному географическому типу фамилии *Булáхов/Булахóвский* (ударение см.: M. Benson. Указ. соч., стр. 29) — от немецкого местного названия *Bullach*, в Баварии. Распространенная фамилия *Ашкенáзи* с вариантами *Ашкинáзи*, *Аскнáзий* (M. Benson. Указ. соч., стр. 19), ср. также формы *Askinazi*, *Askenazy*, *Aschkenasy*, *Aszkenasy*, *Eskenazi* и др. в различных странах Европы, происходит, как известно, от др.-евр. *Aškenaz*, имя внука Иафета, в древней традиции обозначавшее скифов или саков (К. Быт.), в средневековье по созвучию перенесенное на саксонцев, затем — на немцев, т. е. 'еврей немецкого происхождения', ср. название целой восточноевропейской группировки евреев *Aškenazim*, а также такие еврейские фамилии, как *Allemand*, *Deutsch*, *Tedesco* [39].

Ниже, в наших этимологических этюдах, приводится еще несколько новых примеров географического типа фамилий еврейского происхождения, кстати говоря, очень многочисленного разряда этих фамилий.

Другой разряд еврейских фамилий образуют своеобразные фамилии-эпитеты, образованные подчас от разных декоративных апеллативов [40]. Так, фамилия *Адмони* представляет собой абсолютно употребленный апеллатив др.-евр. אַדְמֹנִי *admonī* прил. 'красный, румяный, рыжеволосый', сюда же вариант *Антимони*, а также случаи семантических соответствий, выраженных средствами языка идиш — *Ройтбарт*, *Ройтман*, наконец, средствами русского языка — *Краснобородов*. Фамилия *Жúвов* (так см. M. Benson. Указ. соч., стр. 50. — Нам известно ударение *Живóв*), вполне русская по форме и корню, может, однако, быть одним из многочисленных случаев семантического калькирования др.-евр. חַיִּים 'жизнь', ср., с одной стороны, *Хаимович*, *Хаимсон*, *Haim*, *Heim*, с другой стороны, тоже кальки *Vivant*, *Vital*, *Vidal*, *Gutleben* —

---

[37] P. L é v y. Указ. соч., стр. 161; M. R o b l i n. Quelques remarques sur les noms de famille des Juifs en Europe Orientale. — RIO II, № 4, 1950, стр. 292.

[38] M. M i e s e s. Die jiddische Sprache. Eine historische Grammatik des Idioms der integralen Juden Ost- und Mitteleuropas. Berlin—Wien, 1924, стр. 315.

[39] P. L é v y. Указ. соч., стр. 103; M. R o b l i n. Les noms de famille des Juifs d'origine ibérique. — RIO III, 1951, стр. 65, 70.

[40] F.-J. H e i t z. Attribution des noms aux Juifs en Alsace au moment de la Révolution. — RIO VI, № 4, 1954, стр. 299—300.

на романской, немецкой почве [41]. К фамилиям-эпитетам еврейско-немецкого происхождения принадлежат *Зискинд, Süsskind*, букв. 'сладостное дитя', *Залкинд, Salkind* (с 1372 г.), соответственно к нем. *selig* 'блаженный' и *Kind* [42].

Оригинальный тип среди фамилий еврейского происхождения составляют фамилии-аббревиатуры, причем некоторые из них весьма распространены, как, например, *Кац, Katz*, не имеющее ничего общего с названием кошки, но образованное из начальных букв ритуального титула др.-евр. כֹּהֵן צֶדֶק *kohen cedek* 'жрец-праведник' > כ"ץ *kac*, ср. также *Сегал* (с вариантами) в наших этимологических этюдах и другие подобные акронимы [43].

Многие еврейские фамилии представляют собой образования от личных имен, начиная от чистого абсолютного употребления имени как фамилии и кончая разными деминутивами от имен. Ср. *Орлик* (и, возможно, *Горелик*) < *Арон*; *Носик, Nossek* < *Nathan* [44] (в последнем примере отражено новоеврейское произношение звука ת [=др.-евр. *th* 'тав'] как *s*); *Иссерлин, Isserlein* — производное от *Isser, Isserl*, немецкой формы древнееврейского имени *Israel* [45].

Значительное количество еврейских фамилий образовано от названий занятий — как традиционных профессий, так и культовых функций. Таковы *Ка́ган, Кага́нов, Кагано́вич, Ко́ган, Ко́ганов, Кагано́вский, Ко́ген* (варианты и ударения см.: M. Benson. Указ. соч., стр. 57, 63), во Франции, Германии и т. д. — *Cahen, Caen, Cahn, Kah(a)n* (встречается с XV в.) < др.-евр. *kohen* 'жрец, священнослужитель, иерей' [46]. *Хальфан*, а также оформленное в духе языка идиш *Халифман* толкуется двояко: как арамейское слово со значением 'халиф' [47] и как др.-евр. *chalfon* 'меняла', ср. его семантический эквивалент — тоже в роли фамилии — евр.-нем. *Wechsler* [48]. *Леви, Левин* (хотя, разумеется, не все вообще примеры такой фамилии), *Левит, Левитин, Левитан*, в Западной Европе — *Lewy, Lévi, Lévy, Lévite* и др., в том числе

---

[41] Ср.: Dr. Z u n z. Namen der Juden. Eine geschichtliche Untersuchung. Leipzig, 1837, стр. 86; A. D a u z a t. Указ. соч., стр. 598; P. L é v y. Указ. соч., стр. 143, 201.

[42] Dr. Z u n z. Указ. соч., стр. 51, 68, 69.

[43] S. B i r n b a u m. Praktische Grammatik der jiddischen Sprache für den Selbstunterricht. Wien und Leipzig, [1915], стр. 176; J. H. N e u m a n n. Some acronymic surnames. — RIO XVII, № 4, 1965, стр. 268; A. D a u z a t. Указ. соч., стр. 350.

[44] G. K e s s l e r. Die Familiennamen der Juden in Deutschland. Leipzig, 1935, стр. 22, 23.

[45] Dr. Z u n z. Указ. соч., стр. 92; P. L é v y. Указ. соч., стр. 150.

[46] A. D a u z a t. Указ. соч., стр. 78; M. R o b l i n. — RIO II, № 4, 1950, стр. 291 сл.; О н ж е.— RIO III, 1951, стр. 72; P. L é v y. Указ. соч., стр. 115.

[47] A. D a u z a t. Указ. соч., стр. 319.

[48] P. L é v y. Указ. соч., стр. 40, 144.

с артиклем — *Галеви*, *Halévy*, — из др.-евр. *levi*, *hal-levi* 'священнослужитель' [49]. *Перец*, *Перетц*, *Perets*, широко распространенные среди восточноевропейских евреев, связаны с библейским названием обрезания, тогда как среди марранов — сефарадских (испанских) евреев, подвергавшихся христианизации, распространена созвучная, но особая фамилия *Perez* испанского происхождения, от *Pero* / *Pedro*, патронимическая по генезису, ср. *Lopez*, *Rodriguez* и др.[50] Под фамилией *Викторов* (по крайней мере в части случаев), особенно под таким характерным вариантом, как *Вигдоров*, скрывается, как о том свидетельствует еврейская фамилия *Avigdor*, *Abigdor* (известно с XIII—XIV вв.), производное от порт. *ouvigdor* 'судья' [51]. Вообще фамилии еврейского происхождения — прекрасный материал, подтверждающий сложность контаминаций и вторичных ассоциаций и уподоблений в фамилиях, разных по генезису. Например, не следует смешивать английскую фамилию *Бернс*, *Burnes* и вполне еврейскую фамилию *Бернéс* / *Барнéс*, *Bar-Nés* (с арамейским *bar*), букв. 'сын чуда' [52].

Примеры подкупающей внешней прозрачности должны настораживать этимолога в фамилиях больше, чем где-либо. Так, автор довольно удачной популярной книжки «Ты и твое имя» [53] обращает внимание читателя на фамилию-курьез *Конфисахар*, которую в Ленинграде носил к тому же работник кондитерского производства. Автор, искренне не претендуя на научную достоверность, допускает здесь связь с конфетами и сахаром (ср. фамилии *Сахар*, *Сахаров*), предполагая, что это — западная по образованию фамилия. Но тогда мы ожидали бы наличия основы *цукер-* (ср. *Цукерман*) как более вероятного географически и лингвистически. Некоторые другие обстоятельства, необычные моменты формы делают для нас мысль Успенского сомнительной. В форме *Конфисахар* скорее представлен сильно затемненный, какографический вариант польского слова *konwisarz*, *konwisar* — устаревшее название ремесленника, отливающего из металла посуду. Последнее слово восходит к ср.-в.-нем. *kanngiezer* 'тот, кто отливает вещи, посуду из олова' [54]. Еврейско-немецкое *Канегиссер*, как отмечает и Успенский в указанном месте (у Успенского значение исходного немецкого слова дано неточно, см. стр. 585 его книги), тоже фигурирует как фамилия (семантически ср. также еврейскую фамилию-кальку *Оловянников*). Аналогичного в конечном счете происхождения и дублетное (к *Канегиссер*)

[49] M. Roblin. — RIO II, № 4, 1950, стр. 291 сл.; A. Dauzat. Указ. соч., стр. 388, 389; P. Lévy. Указ. соч., s. vv.

[50] M. Roblin. — RIO III, 1951, стр. 72.

[51] P. Lévy. Указ. соч., стр. 42, 99.

[52] P. Klein. Les changements de noms en Israël. — RIO III, № 4, 1951, стр. 306.

[53] Л. Успенский. Ты и твое имя, стр. 593—594.

[54] Sławski II, стр. 444—445.

Конфисахар < **Конвисар*, с той разницей, что последнее восходит прямо к польской форме. Конечно, неясные моменты до конца устранить не удается. Может быть, на форму *Конфисахар* повлияло древнее личное собственное имя *Isachar*.

Заканчивая свои беглые заметки о составе фамилий России, мы можем еще указать на такие бесспорно реальные (хотя и немногочисленные) ранние включения в их число, как различные фамилии балтийского, прежде всего литовского, происхождения. Можно сказать, что это еще совершенно не исследованный вопрос в русской антропонимии. Как мы заметили выше, вопрос о формах балтийского (литовского) влияния, например, на белорусскую антропонимию также еще не изучен должным образом, хотя там оно гораздо более стойкое и регулярное. Но и среди русских фамилий можно собрать, по-видимому, интересный материал. Вероятно, удалось бы вскрыть и отражение некоторых регулярных категорий литовской антропонимии. Например, литовскими в своей основе являются, на наш взгляд, такие старые русские фамилии, как *Воейков*, др.-русск. *Воейковъ*: 1) Дмитрий Ефимович В., стряпчий, упомянут в летописи под 7121 (=1613) г.; 2) В., воевода. В 7142 (=1634) г. идет на Литву под Себеж (см. «Указатель к осьми томам ПСРЛ, изданных Археогр. комиссиею», вып. 2. СПб., 1869, стр. 171). Ср. особенно древнерусскую фамилию *Борьйковъ*, Василий, наместник Смоленский. 6903 (=1395) г. («Указатель к осьми томам ПСРЛ. . .», т. 1. СПб., стр. 68), а также литовские апеллативы и фамилии типа *mušeika* 'драчун, -ья'. В связи с вопросом о литовских фамилиях в составе фамилий России небезынтересен индивидуальный писательский прием Достоевского, наделявшего иногда своих литературных персонажей фамилиями явно литовского происхождения, хотя и обыгранными подчас в духе вторичных ассоциаций: *Свидригайлов*, *Голядкин*.

Прочие фамилии — такие, как финноугорские (например, карельские вроде *Вахрушев*), кавказские, среднеазиатские — мы рассматриваем как маргинальные в составе фамилий России в силу явной их лингвистической и узуальной экзотичности. Здесь они не рассматриваются, а в будущем вопрос об их включении в исследование о фамилиях России должен решаться, по-видимому, только индивидуально.

Помимо проблемы состава фамилий России, отдельными наблюдениями и примерами здесь могут быть дополнены такие важные аспекты фамилий, как межславянская лингвистическая география (в соединении с моментами относительной хронологии) и типологический аспект.

Для более перспективного проведения исследований фамилий России, особенно собственно русского их ядра, исследований, в частности, направленных на выяснение типа этих последних, необходимо принципиальное расширение рамок исследования как в географическом, компаративном, так и в типологическом

плане. От расширения аспекта неизбежно должна измениться и оценка в принципе уже известного материала, не говоря о вскрытии новых, ранее неизвестных связей и отношений. Ограниченно русистский подход к материалу русских фамилий должен в интересах более глубокого познания русского материала уступить место межславянскому лингвогеографическому аспекту. Так, например, Селищев судит об именах на *-хно* как преимущественно новгородских [55]. Однако дальнейшие разыскания выявили, во-первых, что некоторых достоверно документированных в других частях древнерусской языковой территории форм в Новгороде как раз не знали; так, там не отмечена по известным источникам форма на *-хно* от *Юрий — Юхно*. Во-вторых, было найдено, что имена на *-хно* особенно употребительны в Новгороде лишь в XVI в., тогда как, например, в Южной Руси они отмечаются с XII в.[56] Ср. ст.-укр. *Махно*, *Пихно*, *Пахно* [57]. Широко представлены с раннего времени такие производные уже в роли фамилий на западнославянской территории, ср. чеш. *Jachno*, польск. *Blachno*, *Czachno*, *Juchno* (1508 г., от христианского личного имени *Jerzy*) [58]. В южнославянских языках имена (не говоря о фамилиях) с таким суффиксом представлены, в отличие от западнославянских, минимально, тогда как география восточнославянских имен и фамилий на *-хно* указывает на зависимость в ряде случаев от западнославянских прототипов (ср. такие факты, как возрастание численности именно на юго-западе восточнославянской территории, конкретное совпадение примеров *Juchno= Юхно*).

Для суждений о типе русской фамилии полезно отвлечься от генетически обусловленной базы славянского языкового материала и внимательно сличить известные русские фамилии с точки зрения их структуры, а также их производного характера, их становления с фамилиями других стран Европы, удовлетворительно отраженными в уже упоминавшихся выше источниках.

Любопытно в связи с этим провести типологическое сравнение условий возникновения русских фамилий, с одной стороны, и французских, немецких фамилий — с другой стороны. Для русских фамилий характерно прохождение следующих основных исторических стадий возникновения: 1) прозвище → 2) прозвищное отчество → 3) фамилия. В то же время аналогичная эволюция

---

[55] А. М. Селищев. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ, стр. 143.

[56] A. Bæcklund. Personal names in medieval Velikij Novgorod, I. Common names, стр. 77—78.

[57] В. Сімович. Історичний розвиток українських (здрібнілих та згрубілих) чоловічих хресних імен із окремішньою увагою на завмерлі суфікси. — «Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929», sv. II. Přednášky. Praha, 1932, стр. 698.

[58] J. Beneš. O českých příjmeních, стр. 93.

немецких, французских фамилий была проще и короче: 1) прозвище → 2) фамилия. Эти достаточно хорошо известные черты развития прямо связаны с тем обстоятельством, что на западе фамилиеобразование в целом прошло несколько раньше.

Несмотря на пополнение новыми типами, русские фамилии в значительной части — патронимические образования по своему генезису. Для Франции и Германии, например, характерно, напротив, употребление в широких масштабах в функции фамилий того, что Доза называет noms d'origine, т. е. фамилии, данные по месту происхождения или владению, как последствие феодального периода. Среди русских фамилий констатируем практически полное отсутствие этого типа, кроме относительно позднего и не очень значительного слоя дворянских (как правило двойных в этом случае) фамилий, как на это обращает не один раз внимание Карнович в уже цитировавшейся выше работе. С этим связано отсутствие в русских фамилиях многих семантических моделей, столь обычных для фамилий Западной Европы вроде нем. *Kaltenbrunner*, англ. *Coldwell*, венг. *Hidegkúti*, франц. *Frègefont*, собственно 'родом из местности с холодным источником / по имени Холодный источник'. Как мы уже и раньше отмечали, характерность именно этого признака для еврейских фамилий проступает как четкий отличительный признак на фоне собственно русских фамилий России.

Было бы ошибкой думать, что полезность типологических сравнений русских и западноевропейских фамилий сводится только к заключениям отрицательного характера, выявляющим одни несходства и различия. Некоторые новые конкретные наблюдения типологического характера, приводимые ниже, позволяют выделить также любопытные сходства эволюции и оформления в ряде однородных русских фамилий либо дают возможность на многочисленных разноязычных аналогиях лучше понять семантическую первооснову отдельных случаев среди русских фамилий.

Первый пример такого рода — русские фамилии типа *Черноиванов*, их природа и аналогии. Относительно образования этой фамилии споров быть не может: она произошла из прозвищного отчества *Черноиванов* 'сын Черного Ивана' от прозвища *Черный Иван*. Вместе с тем именно прозрачность структуры и генезиса данной фамилии делают ее очень удобной для того, чтобы, начав с нее, перейти затем к другим, построенным по тому же принципу, но уже гораздо менее ясным, скорее даже темным этимологически русским фамилиям, из которых отдельные вряд ли были раньше объектом этимологизации. Мотивы поисков в этом направлении были бы неполными, если бы мы не упомянули об одном заметном явлении в европейском фамилиеобразовании, об одном типе фамилий, представленном в немецкой, французской антропонимии, а также наличествующем и в русских фамилиях. Речь идет о немецких фамилиях *Polterian*, *Guderian*, *Gudrian*, *Guderjahn*,

Rodrian, *Groterian*, которые представляют собой генетически прозвища-сложения 'шумный, добрый, красный, большой и т. д. Иоханн'. Ср. нижненемецкие прозвища *der swarte Jan*, *der witte Jan* 'черный, белый Ян / Иоханн', т. е. — с трансформацией в русскую фамилию или фамильное прозвище — *Черноиванов*, *Белоиванов* (см. ниже). Немецкий материал на эту тему можно почерпнуть из известного этимологического словаря немецких фамилий Брехенмахера. Исследователь чешских фамилий Бенеш оставляет без внимания тип 'adiectivum+Jan' в чешском и его интересные немецкие и прочие параллели, только вскользь упоминая, вслед за Шмилауэром, о происхождении фамилии *Hopjan* < *Hoppe Jan*. Из числа немецких включений в чешскую антропонимию может быть здесь упомянута известная фамилия *Flajšhans*, собственно, чешская запись немецкого *Fleisch-hans* 'мясной Ганс', первоначальное прозвище. В сложениях такого рода не всегда фигурирует *Jan*, *Hans*, и поэтому наряду с *Junghans* мы находим фамилию *Jungandreas* 'молодой Андрей'. Однако такие сложные фамилии на *Jan*, *Hans* решительно преобладают, и именно они образуют особый тип фамилий, причем не только в немецкой антропонимии. И во Франции, хотя и в меньшей степени, притом не повсюду, мы найдем фамилии *Bonjean*, *Mangeonjean* и некоторые другие типа 'определение+Jean'. Но и здесь слиянию с определениями подвергались наиболее употребительные имена, вместе с тем наиболее нуждавшиеся в дифференциации.

Переходя к русским фамилиям, мы вправе уже заранее допускать вероятность существования среди них такого типа. Помимо уже называвшейся фамилии *Черноиванов* и другой, не менее ясной фамилии такого рода — *Малоиванов*, мы можем указать еще несколько дальнейших, в конечном счете однородных примеров. Их затемненность со стороны формы, возможно, свидетельствует о немалом возрасте этих образований. Во всяком случае констатируемая при этимологической идентификации нерегулярность формы интересна для исследования. Дело в том, что полученная нами выше, так сказать, косвенным путем русская фамилия **Белоиванов* в действительности нам из доступных материалов пока неизвестна, тем не менее о существовании именно такой формы и сложения говорит засвидетельствованная фамилия *Белова́нов* (M. Benson. Указ. соч., стр. 23), этимологизируемая нами, следовательно, как *Бело-иванов*. Это не единственный случай. По такому же типу построены и ту же эволюцию формы проделали фамилии *Косова́нов* (M. Benson, стр. 67) < **Косо-иванов*, *Торгова́нов* (M. Benson, стр. 124) < **Торго-иванов*, далее, возможно, *Молдова́нов* (M. Benson, стр. 85) < **Молодо-иванов* (с синкопой гласного в среднем слоге *молодо-*; впрочем, вероятность этого случая снижается из-за наличия другой возможности толкования), наконец, *Чайва́нов* (M. Benson, стр. 135) < **Чей-иванов*.

Второй пример имеет свои отличия, так как речь идет об одном случае в русских фамилиях, а не о целом ряде или типе, как это было в только что разобранном примере. При всем том только обращение к материалу разных национальных антропонимий Европы, вскрывающее всякий раз семантически очень близкие случаи, приводит к правильному пониманию русского образования, которое в противном случае остается случайностью, курьезом. Мы имеем в виду русскую фамилию *Водопья́нов* или, скорее, ее основу. То, что это старый антропоним, документировано летописным именем-прозвищем *Водопьянъ*, атаман казацкий, под 7070 (=1562) г. («Указатель к Никоновской летописи», стр. 33 =ПСРЛ, т. XIV, 2-я пол. Пг., 1918). Типологический фон к русскому *Водопьян / Водопьянов*, особенно в плане семантики, образуют нем. *Trinkwasser*, фамилия, согласно Брехенмахеру, первоначально — прозвище непьющего человека, трезвенника, далее — ит. *Bevilaqua*, англ. *Drinkwater*, французские фамилии во всем их множестве диалектных и графических вариантов *Boileau*, *Boilleau*, собственно, *bois l'eau* 'пей воду' (засвидетельствовано с XIII в.), *Boilève*, *Boislève* (архаическая и областная форма), *Boulaygue* (диал., южн.). Доза, который приводит в своем этимологическом словаре фамилий Франции все эти формы, толкует их, правда, в противоположность Брехенмахеру, как ироническое прозвище пьяницы, выраженное антифразой: 'пей воду'. Сербохорватская антропонимия, согласно Маретичу, знает фамилию *Vodopija*, *Vodopić* (< *Vodopijić*), построенную по такому же принципу, как и предыдущие. Мы сознательно не выделяем здесь славянский материал из общего числа, видя в русской и сербохорватской близости не более как свободную типологическую параллель, не обязательно возводимую к общей праславянской форме. В целом широкое сравнение привело нас в примере с фамилией *Водопьянов* к несколько широкой семантической интерпретации ('трезвенник', 'пьяница'), однако это дает материал для дальнейших поисков. Едва ли можно в любом случае судить о генезисе русских антропонимов *Водопьян / Водопьянов*, не принимая во внимание эти европейские параллели.

* * *

В виде последнего раздела этой статьи мы предлагаем ряд проб этимологизации различных фамилий России. Нижеследующие заметки хотя и расположены в алфавитном порядке, не имеют претензии считаться статьями будущего этимологического словаря фамилий или даже пробными словарными статьями такого словаря. Это объясняет и извиняет более развернутый стиль и некоторую свободу от требований экономии, обычных для словарной статьи. Что касается этимологизируемого материала, то перед нами фамилии не только разные по происхождению, но и по эти-

мологической сложности. Это отразилось также и на объеме наших заметок.

Алтухóв, Альтухóв. Данная фамилия представляет собой гиперкорректный вариант, ср. более первоначальную форму *Автухов* (см. «Московская городская телефонная сеть. Список абонентов, ч. II. Квартирные телефоны. 1954», стр. 109). В основе этой фамилии лежит христианское календарное имя *Евти́хий* (греч. Εὐτύχιος), однако не сама эта книжная форма, а народно-разговорный вариант весьма раннего возраста, и преимущественно южнорусского, украинского распространения, ср. укр. *Явту́х* (С. П. Левченко, Л. Г. Скрипник, Н. П. Дятківська. Словник власних імен людей, 2 вид. Київ, 1961, стр. 37). Ср. также украинскую фамилию *Явтухов* (Ю. К. Редько. Географія основних типів українських прізвищ. — «Питання ономастики». Київ, 1965, стр. 82). Форма *Автухов* может быть объяснена непосредственно только из *Явтухов*, с утратой йотации в последней форме в условиях сандхи (т. е. практически в тех же условиях, в которых обычно в более раннее время йотация возникала). Возвращаясь к заглавным нашим формам *Алтухов* / *Альтухов*, мы объясняем их как гиперкорректное (как уже было сказано) произношение первоначального *Автухов* в условиях украинского языкового окружения, во всяком случае — в южновеликорусской полосе, где, во-первых, четко могло сознаваться взаимодействие украинско-русских соответствий в закрытом слоге вроде *вовк* — *волк* и, во-вторых, могли действовать вызванные теми или иными мотива́ми тенденции гиперкорректного восстановления «русского» *л* на месте украинского *в* даже там, где это оказывалось неверным исторически, как, например, в *Алтухов* < *Автухов*. Ср. *Алпатов*: *Евпат.* Вариант *Альтухов* (с мягкостью *л*) несет на себе как бы последний штрих эволюции, закончившейся полной деэтимологизацией образования. Таким образом, фамилия *Алтухов*, *Альтухов* определяется как южновеликорусская по преимуществу.

Аракчéев, сюда же *Ракчéев* (M. Benson. Указ. соч., стр. 18, 104). Фамилия образована с известным среди русских фамилий патронимическим суффиксом от тюркского имени деятеля *аракычы* ‘кто пьет водку, пьяница’ (телеутск., алт., тат. См. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I. СПб., 1893, стб. 250).

Бе́гичев (M. Benson. Указ. соч., стр. 23), др.-русск. *Бѣгичевъ*, Михайло, московский дьяк, 1608 г. (Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен, стр. 552), *Бегичевъ*, 1609 г. («Указатель к осьми томам ПСРЛ. . .», т. I, стр. 49). Ср., далее, *Бегичь*, *Бигичь*, имя князя ордынского и посла ордынского, неоднократно в летописи, 1378, 1379, 1445 гг. («Указатель. . .», т. I, стр. 49), *Бегичка*, *Бигичка*, князь ордынский, 1378 г. (Там же), как личное имя русского человека ср. *Бѣгичко Трофимовъ*, белевский казак, 1605 г. (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 131). В конечном счете восходит к распространенному тюрк.

бäг ‘бег, чиновник’ (В. В. Радлов. Опыт словаря, т. IV. СПб., 1911, стб. 1580).

Ги́лельс (M. Benson. Указ. соч., стр. 37) — фамилия еврейского происхождения с новоеврейским (генетически — германским) словооформлением: генитивно-посессивное *-s* (ср. *Михоэлс* и под.). Произведена от древнего библейского имени *Hillel* (см. о последнем: Dr. Zunz. Namen der Juden. Leipzig, 1837, стр. 23), ср. др.-евр. הִלֵּל *hillel* ‘хвалить’ (В. Гезениус. Еврейская грамматика. СПб., 1874: Глоссарий, стр. 248). Любопытно выступление в новое время синонимичного, т. е. тоже патронимического, образования, но осуществленного не средствами языка идиш, а по древнееврейскому способу от той же основы в духе аналитического оборота status constructus. Такова фамилия *Bar-Hillel* (США), где *Bar* — ‘сын’ по-арамейски. Популярность этой морфемы при регебраизации различных фамилий известна (ср. примеры: P. Klein. Les changements de noms en Israël. — RIO III, № 4, 1951, стр. 306; C. Adler. Name changes in Israel. — «Names», vol. II, № 1, 1954, стр. 39; менее вероятна мысль о происхождении морфемы *Bar* в составе еврейских фамилий из акронимического стяжения, имени-аббревиатуры, см.: J. H. Neumann. Some acronymic surnames. — RIO XVII, № 4, 1965, стр. 272). Таким образом, при разности организации, фамилии *Гилельс* и *Bar-Hillel* семантически покрывают друг друга.

Годле́вский, Гордле́вский (M. Benson. Указ. соч., стр. 38, 39) — фамилия распространенного среди еврейских фамилий географического типа. Образована с помощью суффикса *-ский* от названия местечка в Литве — польск. *Godlewa*, соврем. лит. *Garliavà*. Ср. *Годлевский*, название хутора, быв. Шавельского у. Ковенской губернии (см. «Алфавитный список населенных мест Ковенской губернии». Ковна, 1903, стр. 381).

Дени́кин (M. Benson. Указ. соч., стр. 44). Судя по оформлению суффиксом *-ин*, эта фамилия произведена от основы на *-а* (или на *-о*), что подводит нас — пока без привлечения этимологических связей — к формам *Дейне́ка*, *Дейне́ко* (M. Benson, стр. 43), тоже фамилиям, но уже типично украинского вида, без упомянутого суффиксального оформления. Круг близких форм замыкается, когда мы находим фамилию *Дейне́кин* (M. Benson, стр. 43), на этот раз опять с русской суффиксацией. Тождество *Дени́кин*=*Дейне́кин* дает нам одновременно возможность как бы методом внутренней реконструкции выявить более полную форму основы — *Дейнек-*, которую мы объясняем как заимствование из тюркского, ср. в радловской транскрипции *дäінäк* (тур.) ‘палка, der Stock’, *дäгäнäк* то же (В. В. Радлов. Опыт словаря, т. III. СПб., 1905, стб. 1655, 1659). К турецкому слову (соврем. тур. *değnek*) восходит, возможно, и болгарская фамилия *Динеков*. О балканских отражениях этого турецкого слова см. недавно: С. Стаховский.

Заметки о методологии этимологических исследований турецких заимствований в сербско-хорватском языке. — «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 65—66.

Коллонта́й (M. Benson. Указ. соч., стр. 64) — фамилия с весьма сложной историей, которая вместе с тем может быть в существенных моментах прослежена и восстановлена. Ряд моментов истории и этимологии фамилии *Коллонтай*, которая, насколько нам известно, еще не служила предметом этимологизации, делают эту фамилию весьма интересной также с точки зрения географического перемещения форм и проблематики межъязыковых контактов. Начнем с того, что различные свидетельства говорят в пользу западного происхождения данной фамилии. Небезынтересно фактическое указание М. Я. Гринблата на то, что фамилия *Коллонтай* зафиксирована среди сельского населения Гродненского района Белорусской ССР (дер. Дуброва). Однако уже мнение автора о том, что данная фамилия является литовской по происхождению, без всякого сомнения, неверно; ясно, что одной территориальной близости Гродненщины к Литве совершенно недостаточно. См. М. Я. Гринблат. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов. — Сб. «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, 1. Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959, стр. 532. Помимо этого в конечном счете ценного для нас факта территориальной приуроченности (западные районы Белоруссии), можно сослаться на то, что сейчас фамилия *Коллонтай* вообще воспринимается как западная по происхождению. Кроме отдельных носителей этой фамилии в наше время, здесь следует в первую очередь упомянуть, что эту фамилию носил видный деятель польского просвещения и культуры XVIII в. *Hugo Kołłątaj* (1750—1812). Его биографы сообщают, что он происходил «из литовской семьи», которая после взятия царем Михаилом Алексеевичем Смоленска в 1654 г. была вынуждена покинуть Смоленщину и переселилась на запад, после чего осела на землях польской короны, на Волыни (см. изд.: «Wiek XIX. Sto lat myśli polskiej. Życiorysy, streszczenia, wyjątki», pod red. I. Chrzanowskiego, H. Gallego. St. Krzemińskiego, t. I. Warszawa—Kraków, 1906, стр. 55).

Версия о «литовском» происхождении этой фамилии весьма стара, хотя, как увидим далее, это отнюдь не делает ее достовернее. Еще текст XVII в. — так называемые «Księgi babińskie» (1670 г.) — приводит фамилию в форме *Kolontay* в списке, в котором преобладают фамилии литовской шляхты (см.: J. St. Bystroń. Nazwiska polskie. Wyd. 2. Lwów—Warszawa, 1936, стр. 282). Но заметим, что и среди последних встречаются фамилии самого разного происхождения, ср. такие выразительно тюркские имена, как *Burczak*, *Kuczuk*. Другой текст (Львов, 1754 г.), перечисляя польские дворянские роды, чьи фамилии не оканчиваются на *-ski*, приводит форму *Kolontaj*. Фамилия *Kołłątaj* как необычная, но

старая дворянская фамилия упоминается в специальном стихотворении XVIII в. на геральдическую тему (эти данные почерпнуты из кн.: J. St. Bystroń. Указ. соч., стр. 287, 289).

Бытование исследуемой фамилии на восточных окраинах Речи Посполитой как бы поддерживало традиционную литовскую версию происхождения этой фамилии. Но, с другой стороны, хорошо известно, каким своеобразным значением наполнялись термины *Litwa*, *litewski* в польской традиции минувших веков, когда они употреблялись сплошь и рядом для обозначения коренных поляков, проживавших на восточных территориях исторического Польского государства. Наконец, совершенно не аргументирована лингвистическая часть версии о литовском происхождении фамилии *Коллонтай*. Совершенно очевидно, что с точки зрения литовского языка эта фамилия представляется этимологически темной и чужеродной, а также изолированной в словообразовательном отношении. В этой ситуации будет закономерным предположение о существовании такой языковой среды, с точки зрения которой фамилия *Коллонтай* обретает внутреннюю прозрачность и перестает быть случайным образованием. Ни восточнославянский, ни польский, ни литовский, как уже было сказано, не могут быть сочтены языковой средой, породившей данный антропоним. Лишь одна фамилия обнаруживает своеобразную близость структуры к *Kotłątaj*, а именно *Tałataj*, встреченное нами в одном из списков старых польских дворянских фамилий XVIII в., уже упоминавшемся нами выше, по изданию Быстроня. Впрочем, и эта последняя фамилия столь же непрозрачна и изолированна. Это значит, что направление поисков должно быть изменено.

В III томе «Полного собрания русских летописей» упоминается под 6851 (=1343) г. татарин-ордынец *Калантай*, который клевещет на митрополита Феогноста, пришедшего в Орду, грабит его, схватывает и мучит, говоря: давай дань полѣтнюю («Указатель к первым осьми томам ПСРЛ. Отдел первый. Указатель лиц», т. II. СПб., 1898, стр. 6). В старой татарской антропонимии мы находим на основании только этих источников ряд одинаково построенных имен, ср. *Елортай*, князь ордынский (1288 г.). Сюда же примыкают имена древнерусской знати и русских служилых людей, ср. *Урустай*, князь минский, переехавший на службу в Москву (1408 г.); князь *Иван Иванович Пронский-Турунтай*, упоминается как наместник в Пскове (1541, 1547 гг.); *Стенка Турунтай*, якутский казачий пятидесятник, 1684 г. (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 461). Ср. также следующий этюд — по этимологии фамилии *Коротаев*. Тюркское происхождение и однородное образование вышеназванных имен несомненно. Ср. тюрк. *кулунтаі* 'жеребенок', особенно узб. *кулунтâі*, уйгур. *кулантаі* 'дикий осел', *кулан* 'дикая лошадь', далее — туркм. *торум* 'верблюжонок по второму году', тур. *торун* 'верблюжонок по третьему году', тюрк. *таілак* 'верблюжонок по второму году' (см. сведе-

ния об этих словах: В. В. Радлов. Опыт словаря, т. II. СПб., 1899, стб. 974, 975; А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 90, 95, 106—107). Фамилии и имена *Коллонтай*, *Talataj*, *Турунтай* получают объяснение из тюркских названий животных определенного возраста *кулунтâi* / *кулантаi*, *таiлак-таi*, *торун-таi*. Антропонимы от названий животных вообще характерны для тюрок.

Интересно также другое: такие имена, как *Kołłątaj*, *Talataj* и др. (ср. выше), чье татарское происхождение может теперь считаться доказанным, в силу исторических обстоятельств оказываются в пределах польско-литовского государства и рано включаются — особенно *Kołłątaj* — в число польских фамилий. Единственная известная нам «русская» форма *Колонтаевъ* является лишь русской адаптацией уже полонизированной фамилии *Kołłątaj*, ср. упоминание о королевском дворянине по фамилии *Өедоръ Колонтаевъ*, 1508 г. — «Акты Западной России», II, стр. 47 (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 637). Что касается восточных окраин Польского государства, то здесь фамилия *Колонтай*, *Коллонтай* очень прижилась. Ср., кроме сообщаемых выше фактов, неоднократное упоминание местного шляхетского рода *Колонтай* начиная с 1595 г. в актовых книгах Кременецкого земского суда («Кременецький земський суд. Описи актових книг», вип. I. Київ, 1959; вип. II — 1965; вип. III — 1965; passim). На другом конце Украины отмечены даже гидронимы, образованные от данной фамилии, в бассейне Ворсклы и Сейма: *Колонтаев*, *Колонтаева*, *Колонтаевка*, укр. *Колонтáїв* (M. Vasmer. Wörterbuch der russischen Gewässernamen, Bd II. Berlin—Wiesbaden, 1963, стр. 416). Собственно русской гидронимии они неизвестны.

Фамилия *Коллонтай* представляет, таким образом, редкое явление в русской антропонимии, потому что, будучи неоспоримо татарской (ордынской) по происхождению, она, в отличие от большинства русских фамилий татарского происхождения, попала в число фамилий России не прямо, а окольным путем, успев на промежуточном этапе сильно ассимилироваться на землях Речи Посполитой (Белоруссия, Украина, Литва, Польша). Современное написание фамилии *Коллонтай* до сих пор носит след орфографии польских дворянских фамилий — нерациональное двойное *л*.

Коротáев, Карантáев (M. Benson. Указ. соч., стр. 59, 66), также *Каратаев*. Эта фамилия объясняется не из императивной формы *коротай* : *коротать*, как можно было бы предположить на основании аналогий вроде *Катаев* < *катай*, *Ширяев* < *ширяй*. Сближение *Коротаев* : *коротать* осуществилось скорее по народной этимологии. Фамилия *Коротаев*, ср. *Иванъ Коротаевъ*, в Новгородской области, 1594 г. (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 646), объясняется как производное от личного имени *Коротай*, 1557 г.,

Картай, пошехонский крестьянин, 1679 г. (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 255), сюда же белорусская фамилия *Каратай* (см. М. В. Бірыла. Беларускія антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў (рускай, украінскай, польскай). Мінск, 1963, стр. 21). Что касается имени *Коротай/Каратай*, в котором Бирилло неоправданно выделяет суффикс *-ай*, то мы считаем это имя целиком заимствованным из татарского, ср. тюрк. *kara* 'черный', *taj* 'жеребенок'; *каратáй* известно как название определенной этнической группировки в Поволжье, оно обозначало отатарившуюся мордву (см. Vasmer I, стр. 528, или в нашем переводе: Фасмер II. М., 1966, стр. 194). Антропонимия, а также этнонимия от названий животных характерна для тюркских народов, ср. предыдущий этюд по этимологии фамилии *Коллонтай*, с которой фамилию *Коротаев* объединяет также близость апеллативной основы, в данном случае тюрк. *karataj* 'жеребенок черной, вороной масти'.

Куи́нджи, как и *Алтунджи*, *Демерджи*, принадлежит к числу татарских фамилий выходцев с Украины. Такие фамилии образуют иногда свои словообразовательные ряды, ср., например, *Маштабей*, *Кочубей* (сложения с *-бей*). В нашем примере и в близких (см. выше) представлены тюркские имена деятеля (названия ремесленников) на суффикс *-džy* (тур. *-cı*). Ср. тюрк. (в радловской транскрипции) *kujumdu*, *kujundu* (тур.) 'золотых и серебряных дел мастер, литейщик' (В. В. Радлов. Опыт словаря, т. II. СПб., 1899, стб. 907). В соответствии со сказанным ударение *Куи́нджи* в фамилии известного русского живописца неисконно, оно сменило первоначальное **Куинджи́*, которое затем было видоизменено несколько «на итальянский манер» — с перенесением ударения на предпоследний слог (как в итальянских фамилиях на *-i*).

Мя́тлев (M. Benson. Указ. соч., стр. 87) образовано от древнерусского прозвища *Мятль*, ср. летописное упоминание о Мятле Порховском, убитом в 1441 г. в новгородском войске («Указатель к осьми томам ПСРЛ», вып. 3. СПб., 1875, стр. 136; Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 320). Достаточно рано оформилась и фамилия *Мятлев*, ср. *Иванъ Мятлевъ*, московский помещик, около 1575 г. (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 715). В основе названных имени и фамилии лежит др.-русск. *мятьль*, название верхней одежды, слово германо-латинского происхождения, ср. нем. *Mantel* 'плащ, пальто' (см. об апеллативе: Vasmer II, s. v. *мятель*). Своеобразие случая фамилии *Мятлев* состоит, очевидно, в том, что здесь не иноязычный апеллатив был употреблен как прозвище (а затем и фамилия) русского человека, что бывает нередко, а человек нерусского, немецкого происхождения, прибыв в Россию под этим немецким прозвищем, подвергся затем (он сам и его прозвище) обрусению. О Мятлевых известно, что они потомки выходцев из Германии (см. Е. П. Карнович. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886, стр. 236).

Тот же немецкий апеллатив (правда, форма с умлаутом) дал, например, чешскую фамилию *Mentlík* (J. Beneš. O českých příjmeních. Praha, 1962, стр. 241). Впрочем, наиболее полное соответствие древнерусскому имени *Мятль* в форме и в относительной хронологии представляет другая чешская фамилия — *Mátl*, отражающая, как и русская форма, раннюю рефлексацию (или субституцию?) сочетания гласного с носовым согласным в конце слога.

Паустóвский (M. Benson. Указ. соч., стр. 95) — образование на *-ский* по распространенному среди еврейских фамилий географическому типу от названия населенного пункта *Паустов*, в Бессарабии (см. «Списки населенных мест Российской империи, III. Бессарабская область». СПб., 1861, стр. 42: Сорокский уезд). Фамилиеобразование осуществлено здесь по славянской (польской) модели, также весьма популярной в фамилиях евреев Восточной Европы, ср. синонимичную ей конструкцию германского происхождения с формантом *-er* (см. ниже примеры фамилий еврейского происхождения на *-ер*), также широко представленную среди еврейских фамилий географического типа. Что касается названия бессарабского местечка *Паустов*, давшего начало фамилии *Паустовский*, то в его основе лежит народная форма церковного календарного имени *Фавст* (из лат. *Faustus* или через греческое посредство) с раннеславянским субституционным отражением иноязычного *f* : *p*. Ср. иную (тоже народную) передачу $ф > х$ в фамилии *Хаустов*, в конечном счете восходящей к тому же личному имени *Фавст/Фауст*.

Певзнер («Московская городская телефонная сеть. Список абонентов, ч. II. Квартирные телефоны. 1954», стр. 327) — довольно распространенная фамилия еврейского происхождения, которая ввиду очевидного наличия словообразовательного форманта *-ер* может быть уже заранее охарактеризована как очевидно однотипная с фамилиями географического типа, построенными по идишско-немецкой модели (ср. *Винер*, *Берлинер*, *Туровер*, *Познер*, *Вормсер/Wormser/Wurmser* и под.). Некоторая трудность идентификации корневой морфемы *Певзн-ер* проистекает, возможно, от происшедших в ней изменений. В связи с этим мы допускаем, что форма *Певзнер* неисконна и через белорусско-украинское состояние (типа блр. *Пеўзнер*) восходит к идишско-польской форме **Pelzner*. Эта последняя непосредственно происходит из нем. *Pils(e)ner* 'пльзенский, житель Пльзеня, Пильзена'. Переход $l > ŭ, w$ хорошо известен как диалектное явление в восточноевропейском идише, особенно на севере, и совершается он в конце слога или слова не без влияния украинского и белорусского (см.: M. Mieses. Die jiddische Sprache. Berlin—Wien, 1824, стр. 98 сл.; M. I. Herzog. The Yiddish language in Northern Poland: its geography and history. Bloomington, 1965, стр. 225). В истории расселения ашкеназского еврейства из Германии в Восточную Европу известно раннее распространение на территории Чехии и направление за-

тем оттуда значительных групп еврейского населения в Польшу (M. Mieses. Указ. соч., стр. 314; M. Weinreich. Yiddish, Knaanic, Slavic: the basic relationships. — «For Roman Jakobson». The Hague, 1956, стр. 626). Таким образом, фамилия *Певзнер* сохраняет память о давней связи с крупным городом в Западной Чехии.

Подцероб. Эта относительно редкая фамилия представляется в своей современной форме неясной. Можно лишь предположительно говорить о наличии здесь образования с приставкой *под-*. Исторические материалы проясняют структуру имени и дают возможность более уверенно искать дальше. Ср. *Подтереба*, Трофим, сотник Острянский, 1670 г., «Акты Южной и Западной России» X, стр. 253 (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 366). Ср. также апеллативное др.-русск. *потеребъ* 'росчисть' (Срезн.). Но особенно ценно для нас, конечно, вышеупомянутое старое западнорусское свидетельство об имени *Подтереба*. Сличение его с современной фамилией *Подцероб* позволяет выявить в последней типично белорусские черты — цеканье и отвердение мягкого *р*. На Белоруссию указывает и документированно западное место употребления имени *Подтереба*, см. выше. Последняя форма, записанная традиционным правописанием, не передает, правда, действительного белорусского произношения фамилии, которое довольно точно отражено в современной форме *Подцероб*. Но особенно точное белорусское соответствие и апеллативный эквивалент мы находим в блр. диал. *пацярóб* м. 'выцераблены лясок, хмызняк', т. е. 'выкорчеванный лесок, кустарник' (см. М. Гуліцкі. З лексікі вёскі Зарытава [Брестской обл. — *О. Т.*]. — «Матэрыялы для слоўніка народнадыялектнай мовы» пад рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960, стр. 127). Ср., далее, блр. *церабіць*, диал. *цірабіць* 'корчевать, расчищать'.

По́знер (M. Benson. Указ. соч., стр. 99) — фамилия еврейского происхождения географического типа, неоднократно уже упоминавшегося и ранее, собственно, еврейско-нем. *Pozner*=нем. *Posener* 'познанский, из Познани', ср. полный семантический эквивалент, но выраженный славянским (польским) способом, — фамилия *Познанский* (см. J. St. Bystron. Nazwiska polskie. Wyd. 2. Lwów—Warszawa, 1936, стр. 214; M. Roblin. Quelques remarques sur les noms de famille des Juifs en Europe Orientale. — RIO II, № 4, 1950, стр. 292; P. Lévy. Les noms des israélites en France. Paris, 1960, стр. 179).

Сатуно́вский (M. Benson. Указ. соч., стр. 111: *Сатанбвский*, что следует толковать как испорченный какографический вариант, см. ниже). Эта фамилия также принадлежит к известному географическому типу и является производным со славянским суффиксом *-ский* от местного названия на юге Бессарабии: *Сатунов*, в б. Аккерманском уезде, ср. еще *Сатунов-Троян*, в б. Бендерском уезде («Списки населенных мест Российской империи, III. Бессарабская область». СПб., 1861, стр. 18, 28). Это чисто молдавское местное название, собственно, молд. *сату ноу* 'новое селение', поэтому

нельзя согласиться с М. В. Сергиевским, когда последний относит название *Сатунов-Троян* к «чисто русским явно нового происхождения» (М. В. Сергиевский. Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории. — ИАН ОЛЯ, т. V, вып. 4, 1946, стр. 346). Известный, помимо формы *Сатуновский*, вариант фамилии *Шатуновский* вторичен в том смысле, что он обязан своим возникновением, как кажется, тенденции гиперкорректности, приведшей к ложному восстановлению *ш* вместо *с*, поскольку, например, в литовском диалекте идиш такая черта, как переход *š* > *s*, регулярно представлена и вполне может сознаваться, что влечет за собой и сознательные попытки избавиться от «неправильности» произношения.

Сага́лин, *Сага́лов*, *Сагало́вич*, *Сега́л*, *Сега́ль*, *Се́галин*, *Сига́л*, *Сига́лов*, *Шага́лин*, *Шага́лов* (M. Benson. Указ. соч., стр. 109, 112, 113, 139). Может показаться, что здесь собраны совершенно не связанные друг с другом фамилии, тем не менее перед нами не более как варианты (десять вариантов) одной фамилии еврейского происхождения, которую объясняют как имя-аббревиатуру, акроним, составленный из начальных букв культового термина *segan leviyeh* 'левит, слуга, помощник левита' (см.: J. H. Neumann. Some acronymic surnames. — RIO XVII, № 4, 1965, стр. 269; P. Lévy. Les noms des israélites en France. Paris, 1960, стр. 192). Авторы приводят еще такие варианты этой фамилии в разных странах, как *Siegel*, *Segelman* и др., обращая внимание на их тенденцию уподобиться апеллативам и фамилиям иного происхождения, например нем. *Siegel* 'печать'. Бытующие среди фамилий России варианты фамилии *Сегал* охвачены, пожалуй, не в меньшей степени тенденцией народноэтимологического сближения с инородными образованиями. Так, например, *Шага́лов* и подобные варианты вполне могут внешне сойти за производные от русск. *шаг*, *шагать*, хотя это исторически неверно, поскольку разница между *Сагалов* и *Шагалов* упирается лишь в лингвогеографическую проблему распределения и вариации *ś* и *s* в разных еврейских диалектах Восточной Европы (ср. *Сатуновский* : *Шатуновский*). Сознательный момент в выборе той или иной разновидности тоже играл какую-то роль, опираясь, возможно, на упомянутые внешние ассоциации с русским словарем. Еще одним вариантом фамилии *Сегал* etc. можно признать, думается, чеш. *Sgall*.

Солжени́цын (M. Benson. Указ. соч., стр. 116) может быть объяснено довольно просто из первоначального **Соложени́цын* с синкопированием второго предударного слога, что указывает на южновеликорусское наречие и самое фамилию позволяет трактовать как исконно южновеликорусскую. Синкопа *-о-* в упомянутых условиях привела к деэтимологизации всей структуры фамилии, которая в остальном организована вполне регулярно: производное с патронимическим суффиксом *-ин* от имени *соложеница*, ср. причастие страд. прошедшего времени *соложен(ый)* или на-

звание действия *соложенье* : *солодить* 'приправлять солодом (например, тесто)'.

Фу́рцев (M. Benson. Указ. соч., стр. 130) надо рассматривать в связи с такими фамилиями, как *Фу́рсов*, а также *Фи́рсов* (M. Benson, стр. 129, 130), которые все являются вариантами одной фамилии, а тем самым и имени одного происхождения — *Фирс*, официальная форма церковных календарей, собственно греч. θύρσος 'вакхический жезл, фирс'. Передача греческого ипсилона церковнославянской ижицей (*ѵ*), сплошь и рядом смешивавшейся с *у*, породила вариант данного имени с гласным *у*, оказавшийся весьма жизнеспособной, а впоследствии — народной формой, ср. южное *Хурсъ*, приводимое из «Актов Киевской комиссии» М. Морошкиным в его «Славянском именослове» (СПб., 1867, стр. 203). Бесспорно вторичная черта *-рц-* (< *-рс-*), известная и по некоторым другим примерам, объясняется как наддиалектно-просторечный переход.

Шапи́ро, *Шапи́р*, *Шапи́ров*, *Шафи́ров*, *Шафи́ркин*, *Шафи́ро*, *Сапиро*, *Сапир*, *Сапгир*, *Сафи́р*, *Сапфи́ров*, *Штейнсапир* (часть форм см.: M. Benson. Указ. соч., стр. 110, 111, 129, 140), ср., далее, из форм, распространенных в других странах Европы и Америки: *Sapir*, *Sapira*, *Schapira*, *Chapira*, *Chapiro*, *Schapiro*, *Safir*, *Safirstein* (P. Lévy. Указ. соч., стр. 187). Необычайное множество вариантов фамилии как бы предвещает сложность условий для этимологии. Это усугубляется серьезными формальными различиями самих вариантов, число которых может быть, как увидим ниже, увеличено до угрожающих размеров, включая и такие, которые просто не могут быть сведены к однозначной этимологии. Такой вывод, заметим, отнюдь не означает неудачу этимологизации, а, напротив, подводит нас к правильному пониманию реальной сложности случая. Этимология фамилии *Шапиро* (и вариантов) предстает перед нами как поучительная глава из области этнической истории, истории межъязыковых связей в виде довольно своеобразного переплетения моментов общеязыкового и индивидуального характера. Речь идет о довольно старой еврейской фамилии, которая появляется уже в середине XVII в. в России в современной форме *Шапиро* (P. Lévy. Указ. соч., стр. 187; Е. П. Карнович. Указ. соч., стр. 144—145). Известно мнение о том, что в основе этой фамилии лежит древнееврейское слово со значением 'прекрасный, быть прекрасным' (P. Lévy. Там же; ср. еще популярную книгу: Л. Успенский. Ты и твое имя. Л., 1962, стр. 590). Это объяснение можно было бы принять в несколько уточненной версии, а именно со специальным указанием на арамейскую ономастику, которая, как известно, существовала и существует в еврейской антропонимии наряду с древнееврейскими элементами, а подчас даже вытеснив последние. Ср. в этом случае два личных имени, давно принятых у европейских евреев — женское שפירא *Saphira*, собственно 'прекрасная' (как таковое употреблено, например, в 1679 г.),

и мужское שפיר *Saphir* (см. Dr. Zunz. Die Namen der Juden. Eine geschichtliche Untersuchung. Leipzig, 1837, стр. 25, 89, 123). Эта возможность подкупает простотой и приемлемостью своего семантического объяснения (антропоним-орнамент: 'красивый') и объяснения формы, так как получают мотивацию такие варианты, как *Шапиро/Шапира* и *Шапир/Сапир*. В какой-то части эту этимологию или ее элементы надо будет сохранить до конца.

Другая, в последнее время особенно популярная этимология данной фамилии производит ее от названия немецкого города Шпайер в рейнских провинциях. Правда, эта географическая этимология опирается обычно на ряд довольно единообразных вариантов, связь которых с *Шапиро* либо как-то объясняется, либо постулируется, а именно: фамилии *Spaier*, *Speier*, *Speyer*, *Spira*, *Spir(e)*, *Spiro*, *Szpiro*, *Szpira*, *Speir*, *Spaier*, *Spajer*. Формы такого рода начиная с 1400 г. отмечены в Аахене, Франкфурте на Майне, Меце (см.: A. Dauzat. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France. Paris, 1951, стр. 557; P. Lévy. Указ. соч., стр. 195). Правда, все перечисленные фамилии и варианты известны почти исключительно среди западноевропейских евреев и на Востоке Европы практически отсутствуют. С другой стороны, давно замечено, что форма *Шапиро* (и варианты) как раз характерна для Восточной Европы. Последующие расселения ашкеназского еврейства разнесли ее довольно широко, ср. отмеченные случаи фамилии *Шапира* на Ближнем Востоке, *Chapiro* — во Франции и т. д., но это уже позднейшие события (ср.: Idelsohn. — «Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums» LVII. Breslau, стр. 521; M. Mieses. Die jiddische Sprache, стр. 301). Важно, что исторически старейший случай фамилии *Шапиро* засвидетельствован именно на Востоке Европы, в России (XVII в.). С этим, видимо, связана своеобразная лингвистическая легенда о том, что *Шапиро* — это славянская форма немецкого названия города Шпайер; так по крайней мере считают цитированные выше Доза и Леви: «*Chapiro* . . . forme slave de Spire (Rhénanie)». Но каждому слависту элементарно очевидно, что все формы названия данного немецкого города могли быть беспрепятственно сохранены или довольно точно отражены в славянских языках: *Шпайер*, *Шпейер*, *Спира*, *Спера*, *Шпира*. Важно то, что славянский принципиально терпим к сочетаниям двух согласных в начале слова и что преобразование типа **Шпира* > *Шапира* — совершенно не в духе славянского. Недостаточная обоснованность такой славянской этимологии формы *Шапиро* объясняет возможность появления совершенно противоположных объяснений этой же самой формы. Так, один автор считает формы *Šapîrô*, *Šapîrâ'* производными от названия города Шпайер, подвергнутыми затем гебраизации формы (P. Klein. Les changements de noms en Israël. — RIO III, № 4, 1951, стр. 307—308). Это несомненный анахронизм, потому что трудно говорить о гебраизации или даже регебраизации современ-

ного типа для фамилии, известной в этой форме уже в XVII в.

Мы тоже считаем, что фамилия *Шапиро* сложилась на восточноевропейской и даже в каком-то смысле на славянской почве, о чем — ниже. Об этом говорит и старая география формы *Шапир(о)* и близких. Вместе с тем мы склоняемся к тому мнению, что в основе этих восточноевропейских форм лежит название сапфира. Только в этом случае мы получаем возможность объяснить приемлемым образом наибольшее число восточноевропейских форм, стоящих в заглавии настоящего этюда. Эта третья по счету этимология фамилии *Шапиро* тоже очень стара, ср. хотя бы мнение нелингвиста Е. П. Карновича в прошлом веке: «. . .*Шафиров*, собственно *Шапиро*, что означает камень сапфир» (указ. соч., стр. 145). Однако детали и само представление об эволюции форм представляются до сих пор совершенно неразработанными. Так, нам кажется, что вопрос о генеалогии и иерархии форм *Шапиро*, *Сапир* и т. д., очевидно, нельзя решать без учета прямого влияния польск. *szafir* 'сапфир', тем более что сам первоисточник европейских названий камня сапфира — др.-евр. סַפִּיר *sappīr* имеет не «шин» (ש), а «самех» (ס) в начале слова. Таким образом, 1) вариант *Сапир* получил бы объяснение как самый старый, т. е. полнее соответствующий древнееврейскому апеллативу «сапфир»; 2) вариант *Сапгир* может быть понят только как отражение европейского графического образа данного апеллатива, например нем. *Saphir* 'сапфир'; 3) вариант *Шапиро*, *Шафиров* получает объяснение как сложившийся в Польше; наконец, новые варианты — 4) *Сапфиров*, калька и 5) *Штейнсапир*, глосса — служат аргументами в пользу этимологии от названия драгоценного камня. Ср. фамилии *Бриллиант*, *Диамент*, *Перльмуттер*. В отношении *Шапир/Сапир* вопрос о влиянии перехода *š* > *s* в северо-западном (литовском) диалекте идиша, по-видимому, отпадает, так как в основе части вариантов (*Сапир*, *Штейн-сапир*) сознается наличие слова, которое в древнееврейском написании не имело «шин» (שׁ), т. е. *sappīr* 'сапфир'. Написание и в немалой степени произношение древних элементов словаря, как известно, оберегается традицией и в новоеврейском. В части форм на *Ш-* мог сказаться польский консонантизм, ср. польск. *szafir* 'сапфир', что говорит о прозрачности этимологии фамилии *Шапиро/Сапиро* в течение длительного времени. Консонантизм апеллатива *szafir* должен рассматриваться в одном ряду с консонантизмом других заимствований из средненемецкого в польский, ср. польск. *szukać* : нем. *suchen* и др.

Ша́хматов (M. Benson. Указ. соч., стр. 140) — русская фамилия, которая в этой форме и с таким ударением осмысливается как производное от названия игры, однако есть факты, заставляющие интерпретировать историю и этимологию этой знаменитой фамилии иначе и сложнее. В современной своей форме фамилия *Шахматов* известна уже давно, ср., помимо иных данных, приво-

димых далее, также упоминаемый в словаре Тупикова князь *Иван Шахматов*, мастер селитряного дела, в Суздале, 1641 г. (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 890).

Прежде чем мы обратимся к истории и этимологии в собственном смысле, интересно поставить вопрос о возможностях внутренней реконструкции при этимологизации фамилий,— вопрос, думается, еще более актуальный, чем при апеллативной этимологии, так как в ономастике мы лишены поддержки, которую в лексике оказывают значения слов. Суждения в области внутренней реконструкции тем надежнее, чем разнообразнее варианты форм. Относительно современным и вместе с тем оригинальным вариантом к *Ша́хматов* мы считаем фамилию *Шихма́тов*. Аргументация или доказательства будут сообщены далее. Сейчас же можно констатировать наличие в форме *Шихма́тов* иного вокализма, иного ударения и этимологической непрозрачности. В связи с этим современная прозрачность формы *Ша́хматов* (: *ша́хматы*) вправе вызвать у нас сомнения, иначе говоря, представляется необходимым доказать ее (как и выдвинутое родство с *Шихма́тов*) или опровергнуть. Из носителей фамилии *Ша́хматов* особую известность получил русский филолог А. А. Шахматов (1864—1920), данные о его происхождении представляют ценность для нас в связи с вопросом о его фамилии. Предки А. А. Шахматова — саратовцы, как пишет сам ученый в автобиографии, см. кн. «А. А. Шахматов». Л., 1930, стр. 4. Старинный род саратовских дворян Шахматовых знатностью тем не менее не отличался, хотя, судя по документам XVII в., они были московскими дворянами. Будучи «пропущены во всех родословных», Шахматовы, однако, с раннего времени известны своей активностью на восточных окраинах Московского государства. См. Е. А. Масальская. Повесть о брате моем А. А. Шахматове. Часть первая. «Легендарный мальчик». М., 1929, стр. 29 и др. места. Сообщаемый в этой же книге семейный анекдот дяди известного ученого о том, что Шахматовы — происхождения из Персии (стр. 16 книги), большой ценности не имеет, так как навеян народноэтимологической близостью фамилии *Шахматов* и слов *шах(маты)*, действительно персидского происхождения.

Тем не менее искать корни фамилии *Шахматов* надо, действительно, на Востоке. В русской истории известно лицо по имени *Шахматъ*, им оказывается не кто иной, как князь татарский, шурин хана Тохтамыша, упоминаемый в летописи под 6890 (=1382) г. («Указатель к первым осьми томам ПСРЛ. . .», т. II. СПб., 1898, стр. 341). Этот *Шахматъ* чаще упоминается как *Шихматъ*, 1382 г. (там же, стр. 345), а также в более полной форме *Шихъ-Ахматъ*, *Шиахматъ*, 1382 г. (ПСРЛ, т. XIV, 2-я пол. Указатель к Никоновской летописи. Пг., 1918, стр. 154). В этой последней форме с вариантом дана, как мы считаем, по сути дела и этимология имени *Шахмат* и направление его развития через контракцию внутренних слогов этого сложного имени. Летописи,

излагавшие события русской истории XIV, XV, XVI вв., пестрят всеми мыслимыми формами этого имени: *Шигъ-Ахметъ*, *Шихъ-Ахматъ*, *Шиахматъ*, *Шихматъ*, *Шахматъ*, *Шихоматъ*, *Шигъ Ахметъ*. Татарское имя *Шихъ Ахматъ* русских летописей объясняется сложением титула *шайх* 'слуга мечети, настоятель монастыря' (раннее заимствование из арабского; см. В. В. Радлов. Опыт словаря, т. IV. СПб., 1911, стб. 995) и имени *Ахмат*. Помимо очевидности сложения в этих старых формах, ср. такую современную бесспорно татарскую по происхождению фамилию, как *Шаямётов* (M. Benson. Указ. соч., стр. 140), представляющую параллель к *Шахматов* и основанную на том же сложении. Интересно попутно отметить, что имя *Ахмат/Ахмет* вообще широко выступает в составе таких по своему генезису мусульманских именсложений данного имени с предпосланными ему титулами или обозначениями социального характера 'господин', 'служитель', 'раб', ср., с одной стороны, включения такого рода в состав фамилий России — *Кулахмётов*, *Сейдамётов*, *Шаямётов* (M. Benson. Указ. соч., стр. 70, 112, 140), а также и *Шихмáтов*, *Шáхматов*, хотя и обрусевшие вполне. Из летописных упоминаний, с другой стороны, сюда относятся такие имена татар, как *Кичим-Ахметъ*, *Козя-Ахматъ*, *Сеитъ-Ахметъ*, *Сиди-Ахметъ* и *Шихъ-Ахматъ* во всех своих формах, отмеченных выше. Стойкость этих сложений и широта их распространения не могут не удивить исследователя. Например, мусульманское имя, сохраненное в летописной форме имени татарина *Сеитъ-Ахметъ*, а также в современной фамилии *Сейдамётов*, встречает нас и на другом конце Европы, в Испании, в прозрачной форме *Сид Амет Бененхели*, имя ученого мусульманина, от лица которого рассказывается в книге Сервантеса история о похождениях Дон-Кихота.

Что касается фамилии *Шихмáтов*, этимологическая связь с которой как с более архаической формой, выдвинутая для фамилии *Шахматов* выше, теперь может считаться доказанной, то именно носители фамилии *Шихматов* документально известны как потомки татарских мурз, начавших переходить в православие в середине XVI в. (Е. П. Карнович. Указ. соч., стр. 178).

Шемя́кин, Шемяков (M. Benson. Указ. соч., стр. 141) — фамилия, основанная на старом русском личном имени, хорошо известном из истории и из народного словесного творчества, — *Шемяка*. К настоящему времени названная фамилия является единственным живым продолжением этого имени, которое было вытеснено из живого употребления под напором христианских личных имен. Интерес, представляемый для нас этими именем и фамилией, значительно повышается тем обстоятельством, что они сохраняют не дошедший до нас в прямой функции апеллатив весьма древнего вида **ши-мяка* (ср. *ши-ворот*) < **ši-tęka*, собственно, 'тот, кто мнет шею (другому)', 'забияка', ср. образование *коже-мяка*, а также, между прочим, фамилию *Рожемя́ков* (M. Benson, стр. 106) < **роже-мяка* с близкой исходной семантикой.